

№3

Март 2021

ТУСУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

**ВОЛШЕБНИК ЖИВЕТ
В БУШЕТИ**

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3⁽¹⁸⁵⁾
Март 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВОЛШЕБНИК ЖИВЕТ В БУШЕТИ
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 12 «ВО ВЛАСТИ ЧИСТОГО ЛИСТА...»
АЛЛА ГАВАШЕЛИ
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 СОКРОВИЩА ЦАРЯ АЭТА
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 36 ДЕНЬ СВЯЩЕННИКА
АРХИМАНДРИТ АНТОНИЙ (ГУЛИАШВИЛИ)
- 42 ДИВЕРТИСМЕНТ. ГРУЗИНЫ
СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ
- 46 ОБ ИГРЕ СВЕТА
ДИМА АМБРОСОВ
- 51 НЕПОВТОРИМЫЙ АРЧИЛ
ИННА БЕЗИРГАНОВА

На обложке – ШАЛВЕ АМОШАШВИЛИ 90!
Фото АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

«ОН БЫЛ ЮНГА, ЕГО РОДИНА МАРСЕЛЬ»

Так поется в залихватской песенке на стихи советской поэтессы Веры Инбер про трагическую любовь моряка к девушке из Нагасаки. А сама она была родом из Одессы. Ее дружная семья была вполне обеспеченной – отец был купцом II гильдии, владел типографией и был председателем товарищества научного издательства «Матезис». Мать была учительницей русского языка и была заведующей еврейским женским училищем. А еще в их доме во время учебы в реальном училище жил двоюродный брат отца Лева Бронштейн, в будущем знаменитый Лев Троцкий. Детство Верочки было светлым и веселым. Она росла добрым, милым и талантливым ребенком. Повзрослев, она училась на историко-филологическом факультете Одесских Высших женских курсов, писала прозу и стихи и уже в девятнадцать лет стала публиковаться в городских газетах. Со своим первым мужем Натаном Инбером они пять лет прожили во Франции и Швейцарии. Первый поэтический сборник она издала за свой счет в Париже. И почти сразу просвещенная публика стала на-

зывать ее имя рядом с самой Анной Ахматовой. Стихи были милыми, как и сама на редкость симпатичная и миловидная Верочка, но вторичными и неглубокими. А еще народу нравились ее забавные стилизации под песенки-шансонетки про ту же «Девушку из Нагасаки» или про Джона Грэя и Кэт, которая сказала: «Нет!». Когда же началась Первая мировая война, Вера с мужем вернулась в Одессу и худо-бедно прожила там все бурные исторические турбулентности, пока в 1920 году не перебралась в Москву, наверно, ей немножко помог двоюродный дядя, ставший одним из вождей Советской России. Себя она причисляла к поэтической касте, считая себя членом «Литературного центра конструктивистов», а также занялась журналистикой, писала статьи и очерки, ездила по стране и два года проработала корреспондентом в Германии, Франции и Бельгии. И, представьте себе, она ни разу не столкнулась с враждебностью. Вскоре она стала настолько «твердобетонным» советским литератором, поборницей самого махрового соцреализма, что правовернее было и не сыскать. А что было делать маленькой поэтессе, если она была ближайшей родственницей Троцкого. Сталинскую премию ей дали только II степени. Но в эпоху всеобщего страха и ужаса это можно было как-то перенести. Правда, интеллигенция ее считала нехорошей проходимкой, приспособленкой и сочинила оскорбительную эпиграмму: «Ах, у Инбер, ах, у Инбер что за глаза, что за лоб! Все глядел бы, любовался на нее б». Но тем не менее она была храбрым человеком – сама осталась в блокаду, работала круглосуточно в лазарете, а после написала пронзительные и неожиданно честные стихи. Поэтом она была противоречивым, но настоящим... Да и доносов, как оказалось, ни на кого не писала. И, как это ни удивительно, она – поэтесса «Серебряного века». Так-то, господа!

ПОРЫВ ВЕТРА

В истории американской литературы есть только две блестящие женщины-писательницы, написавшие всего по одной книге. И обе, что удивительно, происхождением южанки. Это Харпер Ли с ее знаменитым романом «Убить пересмешника» и замечательная Маргарет Митчелл, написавшая бессмертную книгу-эпопею «Унесенные ветром». Маргарет родилась в последнем году позапрошлого века в Атланте, что находится в штате Джорджия. Ее отец был успешным адвокатом, а мать занималась активной общественной деятельностью и была известной суфра-

жисткой, боролась за права женщин. Это была семья с ирландско-французскими корнями. Далекий предок Маргарет воевал за независимость Америки против британского владычества, а оба ее дедушки воевали в гражданской войне Севера и Юга на стороне южан. Одно из них тяжело ранили в битве при Энтитеме, был он отправлен в отставку. А после войны разбогател на поставках пиломатериалов. Невзирая на большое число детей, его сын – отец Маргарет получил приличное образование и сумел занять солидное положение в родном городе. С самого детства Пегги – так ее звали в детстве – слышала рассказы о Гражданской войне, и они будоражили ее воображение. Училась она в Вашингтоне в семинарии, а потом поступила в престижный колледж Смита в Массачусетсе. Но ей пришлось срочно возвращаться домой: от «испанки» умерла ее мать и нужно было заниматься домом. К тому же во Франции, в последние месяцы Первой мировой войны, погиб ее жених. Маргарет стала публиковаться в газете «Атланта Джорнал», и была пять лет ведущим корреспондентом. За это время она успела побывать замужем. Первый ее супруг был, что называется, «крутым парнем» с лихим характером. Ей даже приходилось носить с собой револьвер для самозащиты, как и ее будущей героине Скарлетт. Этого неспокойного человека убили где-то на Среднем западе. Второй ее брак был более удачным. Но Пегги повредила лодыжку и больше работать вне дома не смогла. А чтобы супруга не скучала, ее новый муж Джон Марш предложил ей начать писать книгу. За почти десять лет она написала толстенную пачку рукописей, пока к ним в гости не пришел известный из-

датель. Его ознакомили с отрывками, и он заинтересовался. Но дело в том, что книга писалась понемногу, эпизоды появлялись по-отдельности и их пришлось еще долго собирать воедино, чтобы создать цельный сюжет. Книга была издана в 1936 году, а через год получила Пулитцеровскую премию. А четыре года спустя появился знаменитый фильм с Вивьен Ли в роли Скарлетт О'Хара и Кларком Гейблом в роли Ретта Батлера. На Маргарет Митчелл обрушилась слава, и, казалось, у нее было все впереди. Но, не дожив до сорока девяти, она погибла под колесами автомобиля неподалеку от своего дома. Фильм смотрели миллионы зрителей, книга издавалась на бесчисленном множестве языков миллионными тиражами. Даже были попытки написать продолжение известной истории – в черновиках Маргарет можно было найти немало подсказок. Но... читателям разных поколений во всем мире остается только воскликнуть: Как жаль!

ПАРИЖСКИЙ ВОРОБЕЙ

А еще мы в преддверии Международного женского дня вспоминаем, что великой французской певице Эдит Пиаф по прозвищу «Парижский воробушек» недавно исполнилось 105 лет со дня рождения. Она начала свою феноменальную певческую карьеру на парижских улицах, а спустя некоторое время ей аплодировала публика не только в легендарной «Олимпии», но и во всех знаменитых концертных залах мира. А пластинки ее раскупали миллионами. И уж ее-то биографию пересказывать нет смысла – все знают ее из книг и фильмов.

ПОЛЕТ ПУШИНКИ

Великий композитор Иоганн Себастьян Бах никогда не сочинял за клавишами клавесина и даже наказывал своих сыновей, если они не сочиняли прямо на нотной бумаге. Так и гениальная русская балерина Анна Павлова, родившаяся в конце зимы 1881 года, сто сорок лет назад в Санкт-Петербурге, никогда не репетировала перед зеркалом. «Репетируя перед зеркалами, балерина ищет и выбирает жесты, положения, выражения лица, а потом на сцене начинает следить за собой, вспоминать, как она делала это на репетиции, и стараться точно повторить жест, улыбку, пируэт... а в результате теряется главное достоинство всякого артиста – искренность!» Да, именно искренность и отличала ее танец, ведь технических балерин в ее время было немало. А она была – одна! Она к себе была очень придирчива и никогда не повторялась. Даже своего великого «Умиряющего лебедя» каждый раз танцевала немного по-новому. Его для Павловой создал замечательный балетмейстер Михаил Фокин. Он поставил эту балетную миниатюру на музыку Сен-Санса буквально экспромтом. Фокин создал печальную сценку, где прекрасный лебедь все же умирает, но смерть была, по его замыслу, умиротворяющей. Но Анна превратила незамысловатую безмятежность в настоящую высокую трагедию. Она надела на грудь рубиновую брошь – словно рану от пули безжалостного охотника. Ведь она жила в эпоху войн и революций, и на белоснежном оперении ее лебедя кроваво пылал рубин, как символ смерти и страданий. «Мадам, благодаря вам я понял, что написал прекрасную музыку!» – воскликнул Сен-Санс, увидев ее «Умиряющего лебедя». Эта миниатюра всегда вызывала восторг публики, и балерину вызывали на поклон бесчисленное число раз. Но бывали и забавные случаи. Сама Павлова рассказывала, что во время танца какой-то ребенок из первых рядов громко сказал: «Мама, мама, посмотри, какая хорошенькая белая уточка!» Анне Матвеевне стоило больших трудов не расхохотаться прямо на сцене. Что касается ее отчества, звучащего иногда как Павловна, иногда Матвеевна, то оно – одна из загадок происхождения великой балерины. По документам, ее отцом был отставной солдат Матвей Павлов, якобы происходящий из евпаторийских караимов. Есть и другая легенда, некоторые исследователи считают, что Анна была незаконнорожденной дочерью крупного банкира Лазаря Полякова. Так это было или нет – документальных подтверждений нет. Нюра, как ее называли в

детстве, росла благополучным ребенком. Она жила с матерью и няней в приличной квартире с большой залой, где можно было репетировать, или в хорошей деревянной просторной даче в Лигово под Петербургом. Девочка была способной к танцам и уже в десятилетнем возрасте ее приняли в Императорское театральное училище, по окончании которого она была сразу зачислена в труппу Мариинского театра. Причем она миновала кордебалет, и сразу попала на «афишные» роли. Звездой Павлова стала почти сразу. Ее благословил сам Мариус Петипа. И это было в тот период, когда рядом блистали Кшесинская, Карсавина и Преображенская. Трудно назвать точное время, когда она была окончательно принята в труппу знаменитого театра, ведь танцевать отдельные небольшие партии молодые балерины начинали еще будучи ученицами. Павлова стала благодарной примой, и охотно танцевала весь доступный репертуар. Но душа ее стремилась к чему-то другому. Она стала танцевать номера, которые ставил ее партнер по сцене Михаил Фокин, учившийся всего на год старше. Он вырос в великолепного балетмейстера. Фокин немало поработал с ней и в период знаменитых Дягилевских «русских сезонов» и после, поставив несколько балетов для ее личной труппы, с которой Павлова объездила почти с полсотни стран. И что интересно, Павлова не любила новаторский балет и не гналась за легкой славой. Она прославилась как безупречная, харизматичная и артистичная балерина, танцующая классический репертуар. Всю свою сценическую карьеру Анна Павлова была легендой и постоянной сенсацией для газет и критиков. Большую часть своей долгой жизни она прожила вдали от родины, прах ее хранится в закрытом колумбарии крематория Голдерс-Грин в Лондоне. Но что интересно, до сих пор, если хотят сделать высший комплимент балерине, ее сравнивают с легендарной Павловой.

Шалва Амонашвили и Марина Мамацашвили во время интервью

ВОЛШЕБНИК ЖИВЕТ В БУШЕТИ

■ Марина МАМАЦАШВИЛИ

Бушети – село в Кахети, недалеко от Телави. Выехали мы сюда ранним утром, прорываясь сквозь плотный, почти молочный туман. А в середине пути вдруг вынырнуло солнце, и все обрело формы, краски и цвета: деревья, дома вдоль дороги и то, чем особенно славится этот благодатный край – бесконечные ряды кахетинских виноградников.

В Бушети нас ждала встреча с Шалвой Амонашвили – руководителем Международного центра гуманной педагогики, доктором психологических наук, академиком Российской Академии образования, заведующим лабораторией гуманной педагогики в Институте системных проектов Московского городского педагогического университета, автором «Основ гуманной педагогики» в 20 томах и многих других книг.

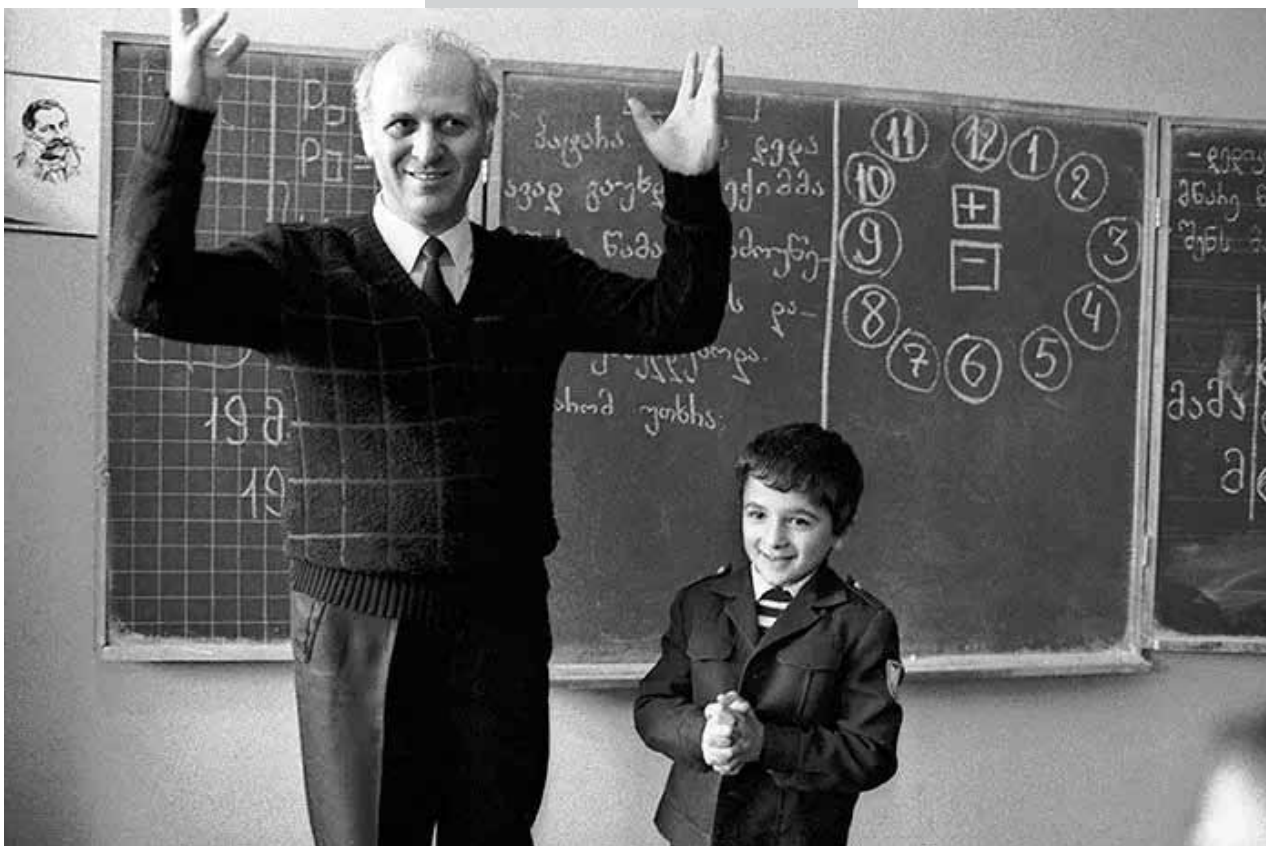
Цель нашего визита к Шалве Александровичу – поздравить его с 90-летним юбилеем и поговорить о той плодотворной и масштабной деятельности, которую он много лет ведет со своими единомышленниками.

Мы в Бушети. О том, как подъехать к дому, где и как остановиться, нам рассказывает по телефону Паата – сын Шалвы Александровича. Чудесный дом, уютная комната. Ждем Шалву Александровича.

И вот выходит к нам очень приятной внешности, элегантный человек, в оригинальной и красивой одежде. Честно признаться, трудно было скрыть восхищение при виде Амонашвили. О его возрасте забываешь с первой же минуты общения. А уж потом, после нескольких часов беседы с ним и экскурсии по усадьбе, которую он сам провел, убеждаешься в истин-

ной молодости этого необыкновенного человека. У него легкая походка, доброжелательный взгляд, искренний и веселый смех, быстрая и светлая улыбка: она словно фонариком подсвечивает его глаза и лицо. И еще одно большое впечатление – то, как он вел беседу. Не было нужды задавать много вопросов: спокойно лился глубоко содержательный рассказ с яркими вкраплениями подробностей и деталей.

Амонашвили я помнила еще со времен своей работы в газете «Молодежь Грузии», которая всегда предоставляла свои страницы всему новому и интересному. А интерес к работе педагога-новатора был действительно огромный. Он часто выступал, проводил семинары, открытые уроки в школе, которая работала по его методике. Шалва Александрович в разговоре с нами подчеркнул, что благодаря статьям в молодежной газете о нем узнал Василий Александрович Сухомлинский и прислал ему в подарок свою книгу с посвящением. Это был для него по-настоящему бесценный подарок: слова одобрения он получил от выдающегося

На уроке

педагога, для которого так же, как и для него самым важным в работе с детьми была позиция «Сердце отдаю детям». Именно так называлась одна из книг В.А. Сухомлинского.

ПРИЗВАНИЕ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Амонашвили родился в Бущети, это его родовое село. Отец погиб на фронте, в Керчи. Мать поднимала их с сестрой одна. Он всегда с особой теплотой говорит о матери и бабушке. А дед удивлял его ласковым разговором с лозой. Маленьким мальчиком он поинтересовался, почему он так делает. — Виноград будет сладким и вино очень хорошее, — ответил дед. Слова запали в память навсегда.

Слушая Шалву Александровича, понимаешь, какой вес и значение имеют слова, сказанные нам близкими и любящими людьми и с каким вниманием надо относиться ко всему, что нам преподносит жизнь. Грузинскую литературу в школе ему преподавала Варвара Вардиашвили. Она была особенным человеком — в голодные послевоенные годы она подкармли-

вала своих учеников. И смелым педагогом, потому что в обход партийным указаниям давать детям знания по произведениям советских писателей, она учила их понимать и анализировать «Витязя в тигровой шкуре». Шаг за шагом постигали ее ученики понятия дружбы, любви, героизма по великому произведению Шота Руставели.

И на всю последующую жизнь остались в душе Шалвы эти уроки и талант бесстрашной учительницы идти своим путем в преподавании любимого предмета.

Он окончил востоковедческий факультет Тбилисского университета. И пошел работать в школу. Сейчас можно сказать, что это было осознанным выбором. А для того, чтобы прийти к новаторству, понадобились годы, знакомство и кропотливая работа по изучению трудов и идей ученых как прошлых лет, так и современников. В 1951-ом Шалва защитил диссертацию. А позже от нее отказался, потому что новизна идей, к которым он спустя время пришел, не позволяла следовать сложившимся в советской педагогике традициям. И этот отказ

от диссертации можно считать важным штрихом к его портрету. И мужественным шагом.

Конец пятидесятих годов прошлого века был временем, которое вошло в жизнь советских людей как «оттепель». Повевало ветром свободы и надежд на перемены, что вызвало к жизни смелые идеи и в науке, и в творчестве. Образование, безусловно, требовало новизны. И она существовала. Однако широкого распространения не получала. Василий Александрович Сухомлинский был создателем педагогической системы, в центре которой было признание личности ребенка высшей ценностью. И именно на это должны быть ориентированы процессы воспитания и образования. «Чтобы не превратить ребенка в хранилище знаний, кладовую истин, правил и формул, надо учить его думать», — говорил Сухомлинский. Следовать этой идее было для Амонашвили не только понятно, но и необходимо.

Шалва Александрович учил детей и сам непрерывно учился. Он принимал, впитывал в себя знания, опыт и мудрость ученых, которые открывали но-

Вид со смотровой площадки

вые горизонты в работе с детьми. Леонид Занков – психолог, специалист в области дефектологии, памяти, запоминания, Даниил Эльконин – автор оригинальной теории изучения детства был учеником выдающегося ученого Льва Выготского, Василий Давыдов – психолог, также был последователем идей Выготского. Им принадлежит разработка системы развивающего обучения, в основе которой – дать ученикам возможность почувствовать себя творцами, когда они открывают для себя, к примеру, принцип построения таблицы умножения.

Шалва Александрович шел к своей системе, к своим разработкам последовательно, по ступенькам, по кирпичикам овладевая огромным массивом философских, религиозных, психологических знаний. Позже, основываясь уже на опыте своей работы и получаемых результатах, он защитил докторскую диссертацию именно под руководством В. Давыдова.

Рассказывая о своей жизни, Шалва Александрович называл много фамилий, вспоминал людей, сыгравших ту или иную

роль в его судьбе. Но ни разу мы не услышали в его голосе слова осуждения или недовольства. Между тем за его плечами были сложные годы, когда слава педагога-новатора одних раздражала, другим категорически не нравилась. Однако то, что проповедовал Амонашвили, что утверждал своей масштабной деятельностью, находило такой отклик и почитание не только в Грузии, но и за ее пределами, что ему доставало сил справляться с трудностями и неудобностью для некоторых.

Человек, призвание которого – работа с детьми, осознавал свое предназначение. Это не только колоссальная ответственность, но и тяжелый труд. Сегодня сложно разглядеть за толщей лет, какие силы требовались для того, чтобы убеждать и доказывать верность избранному пути и правильность своих идей и теорий. Пожалуй, в те годы его можно было сравнить с зеленым ростком, который пробивается сквозь тяжесть камня и даже бетона. Росток движется вперед, в обход препятствиям, набирает высоту и радуется окружающим своей несломленностью, силой духа и

устремленностью. К счастью, были в Грузии и в те годы люди, наделенные не только властью, но и осознанием огромной пользы, которую могла принести стране новизна в методах воспитания подрастающего поколения. Они были на его стороне. И Первая экспериментальная школа в Тбилиси стала детищем Амонашвили и тех, кто разделял его идеи. Шалва Александрович настаивал на приеме в школу детей с шести лет. Это было для некоторых неприемлемое новшество. Но Амонашвили выстоял. И убедил. Позже ему удалось провести в жизнь пятидневку в школах.

Сегодня мы настолько привыкли к тому, что два дня в неделю – субботу и воскресенье – дети могут провести дома, что не задумываемся над тем, как внедрялось это радикальное для многих чиновников решение в жизнь. Между тем, опираясь на свой опыт, Амонашвили доказал, что это не только возможно, но и полезно как для детей, так и для родителей.

Среди тех, кто поддерживал Амонашвили, был профессор Барнаб Хачапуридзе – известный психолог. Он создал свою

версию великой теории установок, которую разработал в свое время Дмитрий Узнадзе. Без этой теории строить процесс образования немислимо.

Интересно то, что большинство ученых, работавших над изменениями в процессах воспитания и образования, создавали другую школу при советской власти. Школу, которая выпадала из рамок советской идеологии, и за это можно было поплатиться.

Амонашвили тоже досталось, обвинили в склонности к буржуазным теориям. Любимую лабораторию закрыли. Его практически изгнали из школы. Пришлось уехать в Москву. Но и там нашлись люди, которые помогли ему продвинуть дело всей его жизни. Статья в газете «Правда» Артура Петровского – психолога, специалиста в области социальной психологии стала своего рода охранной грамотой, защитой. У Шалвы Александровича появилась внимательная и разделяющая его идеи аудитория. И единомышленники.

Рассказывая об этом периоде жизни, Амонашвили поделился с нами восточной мудростью. «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, каждый для тебя – учитель».

НАУКА СЕРДЦА

Хотелось бы сказать о самом главном, что было и есть в судьбе и жизни этого удивительного человека, – Любовь. Именно Любовь. К детям, людям, природе, жизни. Любовь, которая поглощает и перекрывает раздражение, злость, ненависть, вражду. Любовь, которую нес (и несет!) Шалва Александрович детям, да и всем, кто с ним общался (и общается!). Какой неиссякаемый духовный источник питает эту подвижническую любовь, какими силами души удается ему преодолеть отрицательные эмоции?!

В фундаменте гуманной педагогики – нового «здания», построенного им, лежит триада: любить ребенка, понимать его, верить в него. А в самом здании, которое он возвел, столько увлекательно-познавательного. Вот один из постулатов – дори-

совка ребенка. Замечательно сказал писатель М. Пришвин: «Тот человек, которого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя». Эта мудрость в числе многих, которые удалось услышать от Шалвы Александровича.

Он говорит о том, что мир, в котором мы живем сейчас, радикально изменился. Пришли новые дети, у многих из них необычные способности и возможности. Это современное поколение никак не умещается в старой педагогике принуждения и строгого послушания. Учитель властный, требовательный, не терпящий возражений, в сегодняшней школе не может быть востребован.

Гуманная педагогика Амонашвили не ломает ребенка и не переиначивает его, а полностью принимает. «Мы должны любить любых детей, а не только послушных и отличников». Ребенок, по убеждению Шалвы Александровича, соратник, а учитель – проводник. Из этого убеждения выросла педагогика сотрудничества, лекции о которой читает Амонашвили на Педагогических чтениях с 2001 года.

«Обычно учитель идет к ученикам с предметом в руках, мы же, новаторы, – рассказывает Шалва Александрович, – идем

к предмету вместе с детьми. Учителя старой закалки гордятся своими лучшими учениками, а мы рады тому, что худших сделали лучшими».

Как рождалась гуманная педагогика? Подходы к системе гуманной педагогики формировались, естественно, из разностороннего личного опыта преподавания, из полученных колоссальных знаний. «Я пошел по стопам классиков, а это горизонт сознания. Мы идем к горизонту, а он отодвигается...», – признается Амонашвили. Пожалуй, можно сравнить этот путь с восхождением вверх, по ступеням. Первая ступень – развитие, вторая – мотивация, третья – сама жизнь. Решения приходили именно из тесного общения с детьми. Не надо меня готовить к жизни, дайте мне жить, требовали дети. И эти подходы полностью себя оправдали.

«Мы должны понять, что пришли другие дети, дети индиго, звездные дети, дети света. К ним нужен совсем другой подход. Посмотрите современные учебники по педагогике. Ни в одном из них ни разу вы не встретите слова «любовь» и «радость». А родители? Ко многим из них у меня вопрос, сколько раз в их речи звучит «не»? Не твое дело, не шали, не трогай. А «да»? А ведь надо сказать

Часовня

За рулем электромобиля

– прыгай, шали, я рядом, я помогу! Воспитывать нужно спокойно, великодушно. И заинтересованно.

У ребенка три природные страсти: он хочет развиваться – дай ему развивающие задачи, сам развивайся вместе с ним. Он мечтает взрослеть – дайте ему чувство взросления, говорите с ним на равных, как с большим. Он будет радоваться. Ребенок любит свободу, не может без нее. Оградите его от покушений и придирок».

РЫЦАРЬ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

На протяжении многих лет рядом с Шалвой Александровичем была его супруга Валерия Ниорадзе – крупный ученый, уникальный учитель, доктор педагогических наук, преданный друг и единомышленник. В 2012 году ее не стало.

Сын Паата и его жена Тамарико Схвиторидзе поддерживали его и друг друга в тяжелейший период жизни, они – оба ученые, энциклопедически образованные люди оказались для Шалвы Александровича подлинными соратниками. Семейная пара – создатели получившего в Грузии огромную популярность детского движения «Баста-Бубу».

Усадьба в Бушети, в которой живет семья Амонашвили,

стала крупнейшим центром не только педагогических идей, а прежде всего их практического воплощения. Шалва Александрович предложил осмотреть все, что за эти годы его семье удалось сделать на обширной территории усадьбы, расположенной на трех гектарах земли.

Шалва Александрович сел за руль электромобиля, и мы поехали. В дороге он показывал и о многом живо и с юмором рассказывал. Удивлял объемом проделанной работы. Бас-

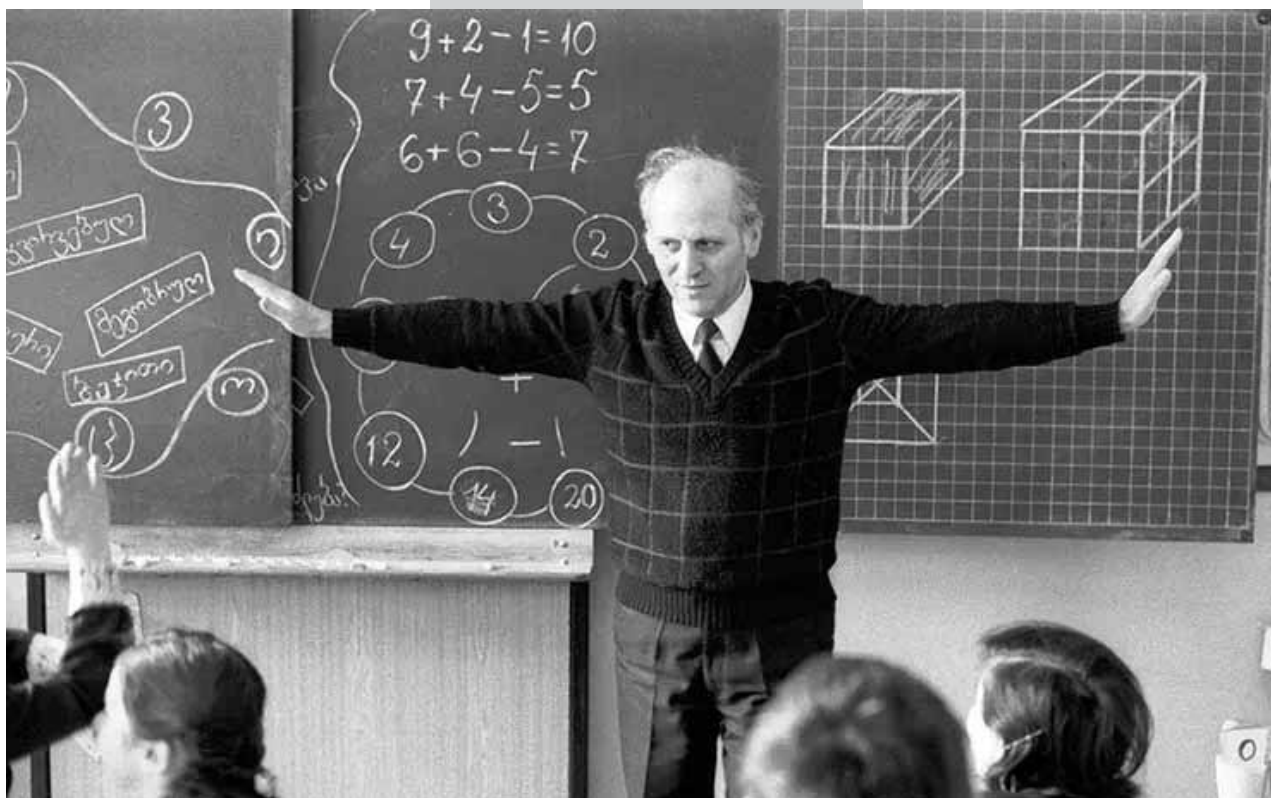
Новое здание

сейн, кафе, столовая, коттеджи, конференц-зал, медиа-центр, мастерская, выставочный зал, смотровая площадка, с которой видна и Алазанская долина, и величественные горы Кавкасиони с белыми снежными верхушками.

Каждый год летом в усадьбу съезжаются родители с детьми, педагоги, бабушки, дедушки, няни, воспитатели, общественные деятели. Ежегодно лагерь принимает до 300 человек. К их приезду вывешиваются флаги 24-х стран, откуда прибывают гости. Канада, США, Австрия, Австралия, Англия, Германия, Франция, Шотландия, Прибалтика, Центральная Азия, Япония, Украина, Белоруссия, Россия. В нынешнем году пандемия нарушила планы, однако компьютерная техника, которой управляет Паата Амонашвили, позволяет вести и семинары, и лекции. Шалву Александровича радует то, что в этом году в Высшую школу Амонашвили записались 170 жителей Бушети – его родного села.

Как проводят гости 9 дней в лагере? Главные действующие лица здесь дети: от 6 до 16 лет. Вот представьте. Утро начинается с того, что дети приводят родителей на лекции. Семинары и лекции идут до обеда и после. За время, пока родители «учатся», дети бегут на Биржу труда и получают там назначения на работу. Кто-то работает в апте-

На уроке

ке, кто-то охранником, официантами в кафе и столовой. Огромным спросом у детей пользуется Институт природы: здесь занимаются исследованиями почвы, геологическими изысканиями и не только. Паата Амонашвили привез из Италии удивительный прибор, который позволяет слышать «голоса» растений. А еще можно с помощью этого прибора зафиксировать вибрации своего организма, свой «голос».

За свою работу дети получают оплату. Это не деньги, а особая находка Шалвы Александровича. Деревянный «дар» – круглый по форме. Эти «дары» имеют огромное значение для обитателей летнего лагеря. Дети, заработав «дары», имеют право подарить родителям абонемент для купания в бассейне, посещения мастер-класса, выставки рисунков. Ребенок, имеющий возможность дарить родителям удовольствие, чувствует себя необыкновенно счастливым и, самое главное, взрослым.

И, конечно, здесь устраивают походы, именно походы, а не просто скучные экскурсии. Выбираются маршруты, причем достаточно сложные. Естественно, в сопровождении опытных взрослых. Дети

отправляются в поход, где им приходится преодолевать трудные восхождения, помогать друг другу на сложной дороге, переносить непогоду, защищать маленьких и более слабых: им дают возможность ощутить себя способными на многое и сильными. Это приветствуется и особо отмечается.

Шалва Александрович с улыбкой рассказал, как он сказал одному мальчику: – Знаешь, мой дорогой, твоя мама, которую ты сегодня привел, на прошлой лекции ничего не записывала, а смотрела в окно. Ребенок побежал выяснять, что случилось. Представляете, как это отразится на поведении этого ребенка в школе?

Все, что происходит в летнем лагере, кажется игрой, но на самом деле это очень серьезная, вдумчивая работа. Дети всей душой включаются в процесс, они осознают, что могут управлять ситуацией и дарить радость родителям и себе, и тем, с кем подружились.

Мы ехали по аккуратным дорожкам усадьбы на великолепном электромобиле. Вокруг был сад, который уже готовился к весеннему расцвету. Но уже сейчас можно было предста-

вить, какое благоухание разливается в этом замечательном месте летом, как наслаждаются дети фруктами, которые сами собирают.

Я всматривалась в лицо водителя электромобиля и думала о том, что Шалва Александрович – носитель звания «Рыцарь гуманной педагогики» является еще и обладателем не менее почетной награды «Рыцарь детства». У Международного центра, которым руководит Амонашвили, есть еще награды: одна из них, особенно ценная – «Герой духа». Ее передали Саре Алписовне Назарбаевой – супруге президента Казахстана. Она проявила себя активным проводником идей гуманной педагогики, и в школах Казахстана по ее инициативе вошли уроки самопознания.

Эмблема Международного центра – Сердце и символ мудрости Лебедь.

Судя по всему, что довелось услышать и увидеть в этой усадьбе, которую иначе как усадьба Радости не назовешь, Шалва Александрович Амонашвили – настоящий волшебник. Ведь волшебник – это тот, кто умеет дарить окружающим чудеса.

Семья Гершензонов. 1958 год. Володе 7 лет

«ВО ВЛАСТИ ЧИСТОГО ЛИСТА...»

— Алла ГАВАШЕЛИ

«УЧИТЕЛЬ, ВОСПИТАЙ
УЧЕНИКА...»

В божественном устройстве мироздания система отношений учитель – ученик несет на себе определенную нагрузку. Передача опыта, в широком смысле этого слова, – необходимая часть прогресса. Если этого не происходит, движение вперед будет затрудненным.

Володя Полетаев – один из первых моих студентов, ведь я не успела получить права называться его учителем, ибо он безвременно оборвал свою недолгую жизнь. Я приступила к учительству, по-видимому, слишком рано и не смогла до конца выполнить свой учительский долг. Прошло уже полвека, но говорить об этом без отчаяния невозможно и никогда не

будет возможно.

Володя стал гениальным учеником, который сам научил меня многому. В области поэзии Володя был истинным мессией, скорее всего, осознававшим всю тяжесть своего призвания и готовым заплатить за это собственной жизнью. Что он и сделал.

А если выразаться прозой, то дело было так: сверходаренный московский юноша из интеллигентной семьи, знающий наизусть все, что когда-либо рифмовалось в русской поэзии, сознательно поступает в группу переводчиков с грузинского в Московский литературный институт им. Горького. Подает огромные надежды. Успева-

ет попробовать свои силы, состязаясь, т.е. переводя совсем немного, лишь касаясь поверхности моря грузинской поэзии смелым и вольным крылом.

В программном стихотворении о задачах перевода Володя примеряет на себя трагические судьбы грузинских поэтов – Тициана Табидзе и Паоло Яшвили. Таким образом, стихотворный перевод становится для него способом поиска и обретения. Он многого достиг на поприще духовном, но не справился с обстоятельствами жизни.

Когда-то великий Данте стал проводником по аду. Пусть же стихи Владимира Полетаева станут нашим путеводителем по «непомерности дара». И это даст нам возможность стать ближе к разгадке вечной тайны жизни, любви и смерти.

Когда ряды неровных строчек
Поскачут быстрые на диво,
Не обольщайся, переводчик,
Переводи неторопливо.
На немоту не будь в обиде,
Не забывая, что когда-то
Поэт хотел в тебе увидеть
Не переписчика, а брата.
И, овладев теченьем речи,
Не признавая произвола,
Попробуй, натяни на плечи
Рубаху мертвого Паоло.
Не буквы надобны, а надо,
Чтобы за буквами стояла,
Неведомая верхогляду,
Прямая суть оригинала.
Иные морщатся: куда нам,
Но я на измышленья эти
Одним подвигнут Тицианом
И только перед ним в ответе.

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

- Отчего умер Володя
Полетаев?
- Он от молодости умер.
Он был слишком молодой.
- Разве от молодости
умирают?
- Но умер ведь Володя
Полетаев.
...Я видел: он кружил над
утренней Москвой –
И вдруг пропал в сиянье
куполов;
И, кажется, раздался звон
оков...
- Каких оков?
- Не знаю. Только знаю,
Он от молодости умер,

Как обычно умирают от
старости.
Он оказался слишком
молодым
Для нашего старческого
мира –
И не выдержал его усталости.
Николай Забелкин

В далеком 1983 году в Тбилисском литературном издательстве «Мерани» вышла небольшая книжка стихов на русском языке с никому не известным именем Владимир Полетаев на бумажной обложке. Под именем – заключительная строка одного из его стихотворений: «Небо возвращается к земле». Очень скоро о 18-летнем московском поэте, ушедшем из жизни за 13 лет до этого, говорил весь читающий Тбилиси.

Причину столь неожиданного признания знающей толк в высокой поэзии тбилисской публики можно объяснить тем, что вступительное слово к сборнику было написано Георгием Маргвелашвили, который уже несколько десятилетий знакомил читателей журнала «Литературная Грузия» с самыми значительными именами русской поэзии XX века. Немаловажную роль сыграл и показ на Грузинском государственном телевидении документального фильма о Полетаеве, снятого в Москве известной тележурналисткой Нателой Апакидзе.

И все же главное было в другом: это была настоящая поэзия, и в ней жила Грузия, увиденная глазами влюбленного в нее юноши. А еще в переводе Полетаева совершенно по-новому звучали на русском языке давно знакомые стихи Николоза Бараташвили, Вахтанга Орбелиани, Иосифа Гришашвили, Галактиона Табидзе, Отара и Тамаза Чиладзе, Арчила Сулакаури, Михаила Квливидзе...

Отец Полетаева, Григорий Самойлович Гершензон (фамилия Володи – от мамы, Надежды Владимировны Полетаевой), в эти годы был частым гостем в Тбилиси. Сначала приезжал по делам издания Володиной книги, потом – потому что его туда бесконечно тянуло. Он не раз говорил, что только в Тбилиси чувствует себя по-настоящему счастливым. Останавливался

всегда у нас, в аспирантском корпусе студгородка в районе Ваке, где мы жили.

Так получилось, что история нашей семьи была неразрывно связана со стихами Полетаева. С них все и началось. С родителями Володи в Москве познакомил меня тогда еще будущий муж, ставший родным в семье Гершензонов задолго до нашей с ним встречи. Рождение через год нашего первенца в День памяти Володи – 30 апреля – сблизило нас еще больше. Расстояние между Москвой и Тбилиси этой близости несколько не мешало: в промежутках между поездками из Москвы в Тбилиси и из Тбилиси в Москву были письма, звонки и посылки, которые чаще всего передавались по случаю через знакомых и совсем неизвестных людей и непременно доходили уже на следующий день.

Последний раз Григорий Самойлович приехал в Тбилиси в конце марта 1989-го. Это был уже другой город – он остро это почувствовал. Ходил на студенческие митинги перед зданием университета, видел и слышал Звиада Гамсахурдиа, подолгу расспрашивал друзей и знакомых о том, что они думают о происходящем. Кровавые события перед Домом правительства 9 апреля, которые произошли сразу же после возвращения Г.С. в Москву, Гершензоны пережили как личную трагедию...

Потом болезнь: больницы, операция, реабилитация и, когда уже казалось, что все позади, вдруг страшный диагноз. Наш старший сын, к тому времени уже взрослый парень, стал первым, кому Григорий Самойлович признался, что у него, «кажется, рачок завелся», и попросил подготовить нас к этому.

Брали отпуск с работы по очереди: на месяц – я, потом – муж. У мужа на руках он и умер. До последнего сидел за компьютером, специально для этого приобретенным, набирал Володиных стихи, заметки и переводы, писал статью о нем – надеялся, что когда-нибудь понадобится как предисловие к отдельному сборнику. Просил об одном: не оставлять Надю одну...

Мечта родителей об издании Володиной книги в Москве осу-

ществилась через 50 лет после его смерти. В книжном издательстве «ЛитГОСТ» в рамках новой серии «Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались» первой стала книга Владимира Полетаева «Прозрачный циферблат». В нее, как и мечталось, вошла и статья Григория Самойловича Гершензона «Поэзия в его жизни». И, как тогда в Тбилиси, о Полетаеве заговорили литературные критики и читатели; уже не молодые ровесники Володи и те, кому сейчас восемнадцать. И чувства те же: удивление, восхищение, недоумение. И те же вопросы: Откуда такая феноменальная одаренность? Как сумел столько сделать? Почему так рано ушел?

А еще стали рождаться легенды, не имеющие к жизни Володи никакого отношения...

Гершензоны родом из Украины. Родители Григория Самойловича, Самуил Григорьевич Гершензон и Фаина Соломоновна Гальберг, родились и жили в Киеве. Во время еврейских погромов в октябре 1919 года, оставив все свое состояние, семья бежала из родного города сначала в Черниговскую область, а затем перебралась в Москву.

Младшей сестре Самуила

Отец с сыном в Зерновом

На даче

Григорьевича, Полине Григорьевне, в то время было 13 лет. Перед смертью она часто вспоминала киевский дом в центре города, большую семейную библиотеку, поездки с родителями на воды в австрийский Франценсбад и немецкий Баден-Баден.

Вся жизнь Полины Григорьевны была связана с книгами – она была ведущим библиоотекведом Государственной публичной научно-технической библиотеки России. Свободно владела французским и немецким языками, прекрасно знала русскую и западную литературу, была большим знатоком поэзии Серебряного века. Парижское издание стихов Поля Верлена и полураспавшийся томик Флобера с романом «Госпожа Бовари» на французском всегда лежали на этажерке возле ее кровати.

С мягким юмором рассказывала Полина Григорьевна, как в начале 20-х годов ходила с подружкой на поэтические вечера и диспуты в литературное кафе «Домино» на перекрестке Тверской и Камергерского переулка. Запомнилось описание небольшого зала, где проходили выступления поэтов: небольшая эстрада с вызывающе ярким занавесом в красно-зеленую по-

лоску; на одной из стен – пустая железная клетка для птиц; на другой – прибитые гвоздями черные штаны – «то ли Есенина, то ли Каменского»; повсюду – написанные масляными красками цитаты из стихов. Здесь можно было увидеть В. Маяковского, С. Есенина, А. Мариенгофа, В. Хлебникова, В. Каменского. Но кафе было не менее знаменито и своими фирменными пирожными, которыми иногда угощали юных любителей поэзии. В голодной Москве начала 20-х это было настоящим чудом и привлекало ничуть не меньше, чем горячие споры «заумников» и «ничеговоков».

Слушать Полину Григорьевну можно было бесконечно – она была потрясающей рассказчицей. Но настоящее волшебство начиналось, когда она читала стихи. Чаще всего Гумилева – она любила его особенно.

Стихи в доме Гершензонов звучали постоянно – без всякого пафоса, естественно и просто. Они здесь просто жили. Их читали и легко запоминали, о них говорили, их сочиняли. Все: и Григорий Самойлович, и Полина Григорьевна, и Надежда Владимировна. Только к собственным стихам никто из них всерьез не относился.

Александр Колчинский, автор замечательной книги мемуаров «Москва, г. р. 1952», сын близкого друга Григория Самойловича – Марка Колчинского, вспоминает: «Г. С. часто бывал у нас... Я думаю, стихи были для него самым важным в жизни. Он помнил тысячи и тысячи строк. Существовал миф, что он свою инженерную диссертацию представил в стихах, ее отклонили, и он переписал ее прозой. Не знаю, насколько это правда».

Я слышала эту историю в разных вариациях от разных людей. И хотя Григорий Самойлович был способен на самые эксцентричные поступки, думаю, это действительно был миф. Но в нем весь Григорий Самойлович – легкий, свободный, фантастически образованный и невероятно талантливый.

При этом у него была более чем серьезная профессия – инженер-технолог по оборудованию самолетов, кандидат технических наук, доцент, автор

более чем 20 изобретений и 50 печатных работ. После окончания Московского авиационного института в 1943 году Григорий Самойлович был принят в НИИ №1 Министерства авиационной промышленности, которое занималось проектированием экспериментальных самолетов и разработкой управляемых ракет. В 1950-ом его направили в Саратов на оборонное предприятие – завод №306 п/я №105 Наркомата авиационной промышленности. Там и произошла встреча с Надеждой Полетаевой – инженером лаборатории ОКБ, начальником которой Григорий Самойлович был назначен.

А через год на свет появился Володя.

Надежда Владимировна рассказывала, что ухаживания своего молодого начальника приняла не сразу. «Невысокий, некрасивый, да еще еврей», – это было совсем не то, о чем она мечтала. Но он покорила ее сердце стихами, и она полюбила его так, что пошла против воли матери, не испугалась ни людской молвы, ни того, что может остаться с ребенком одна: пожениться они не могли, пока не будет расторгнут первый брак Григория Самойловича.

Когда в 1952-м завод №306 был переведен на мирные рельсы и лабораторию ОКБ расформировали, Григорий Самойлович не вернулся в Москву – остался с Надей и сыном. Поехали в небольшой городок Зерновой в Ростовской области, где была предложена работа в Азово-Черноморском институте механизации и электрификации сельского хозяйства, на кафедре «Теоретические основы электротехники».

С Саратовом Надежда Владимировна рассталась без сожаления. С ним было связано все самое горькое в ее жизни: ранняя смерть отца в 1941-м, учеба в авиационном техникуме, совпавшая с войной, ужасы бомбардировок, долгая юбизнь и смерть мамы. А вот Зерновой вспоминала тепло: она была счастлива там.

В Москву Григорий Самойлович, уже с семьей, вернулся в 1958-м – после того как официально оформил отношения с На-

дей. Он был счастлив снова оказаться в родном городе, рядом с родителями и друзьями, которых ему так не хватало все эти годы. Их было трое: Лева и два Марка. Вот сухие факты их биографий, взятые из Интернета:

Лев Исаевич Шульман – главный конструктор ракетно-локационной системы «Казбек-1», обнаружителей низколетящих целей и полета ракет, подвижного радиовысотомера ПРВ-9 (1РЛ19). Лауреат Государственной премии СССР 1981 года.

Марк Леопольдович Еффа – разработчик гироскопов для ракетно-космической техники, обеспечивших пилотируемые полеты космических кораблей Восток, Восход, Союз, включая полет Ю. А. Гагарина и других космонавтов, а также полеты международных экипажей по программе «Интеркосмос», доктор технических наук. Лауреат Ленинской премии за 1982 год.

Марк Львович Колчинский – директор Центра информационного обеспечения социальных проблем НИИ «Информэлектро», доктор философских наук, академик РАЕН.

Их связывала не только мужская дружба. Именно Григорий Самойлович познакомил Леву Шульмана с соседкой и бывшей одноклассницей Инной, которая вскоре стала его женой. А Марк Еффа женился на Тале (Наталье) – первой красавице большого двора в начале Ленинградского проспекта. Она жила в одном подъезде с Гершензонами. Соседкой по дому и доброй приятельницей была и Елена Ржевская, автор знаменитых воспоминаний «Берлин, май 1945: Записки военного переводчика». Дому №20 (по нынешней нумерации – 14), где все они жили, Ржевская посвятила свою автобиографическую книгу, которую так и назвала – «Мой дом».

Марк Колчинский жил по-прежнему – рядом с Кремлем, на тогдашней улице Маркса-Энгельса (ныне Староваганьковский переулок). После женитьбы на Наталье Айзенштейн он переехал к ней на улицу Фрунзе (ныне Знаменка), которая находилась буквально в квартале от его холостяцкой комнаты в коммунальной квартире. В ней

некоторое время после возвращения из Саратова жили Григорий Самойлович, Надежда Владимировна и маленький Володя.

Жена Колчинского была профессиональной переводчицей. Она славилась своей необычайной образованностью и обширными связями в самых высоких кругах. Ее первым мужем был Зиновий Гердт, а ближайшими подругами – Ангелина Галич и Галина Шергова – будущая легенда российского телевидения.

Сам Марк Колчинский был не менее яркой личностью. «Отцовская артистичность, обширность его знаний, тонкость его вкуса проявлялись столь естественно и свободно, что заподозрить в нем интеллигента в первом поколении было невозможно. В этом смысле он ничем не уступал маме, происходившей из совершенно другой социальной среды», – пишет Александр Колчинский в своих мемуарах. Это мнение разделяли все, кто знал Марка Львовича.

В доме Колчинских собирались известные журналисты, поэты, писатели, артисты. Обсуждались новинки литературы, читали стихи, слушали редкие пластинки. Частым гостем на этих вечерах был и Григорий Самойлович.

Александр Колчинский вспоминает: «Когда Галич начал писать песни, он постоянно пел их у нас. Я начал настойчиво убеждать родителей, что «надо, наконец, записать Сашу у нас дома», то есть купить магнитофон. Сашей я называл Александра Аркадьевича за глаза – просто потому, что родители его так называли. [...] Я впервые записал Галича на нашу «Комету» в марте 1968 года, на дне рождения моего отца». Песни Галича хорошо знал и Володя, который был старше Александра на год. Бобины с магнитофонными записями хранились в «музыкальном» шкафу вместе с обширной коллекцией пластинок классической и оперной музыки, которую долгие годы собирал Григорий Самойлович. В семье была замечательная традиция вместе слушать музыку. Так обычно заканчивались и частые посиделки с друзьями. (Помню, в первый мой приход к Гершензонам слушали пластинку с болгарскими

православными песнопениями в исполнении Бориса Христова, недавно привезенную из Софии одним из аспирантов Григория Самойловича.)

Поводом для вечерних посиделок чаще всего были громкие публикации в журналах «Новый мир», «Юность», в «Литературной газете». Первой все читала Инна Шульман – филолог, ее литературному вкусу и чутью безоговорочно доверяли все. По ее рекомендации самое интересное прочитывалось остальными.

Надежда Владимировна никогда не принимала участия в этих разговорах. Она мучительно ревновала мужа к его друзьям и побаивалась их жен.

Александр Колчинский вспоминает: «Я знал, что все друзья молодости моего отца (в компанию которых входил и Г.С.), как и моя мать, относились к Н.В. очень плохо, и считал это глубоко несправедливым. Среди жен этой компании были как бы «свои», несмотря ни на что: одна была открытой антисемиткой, другая была руководителем культуры в охране ГУЛАГА (!), третья была алчной и глупой женщиной... А Н.В. просто была «чужой»».

Непростыми были взаимоотношения Надежды Владимировны и с родителями мужа.

У Самуила Григорьевича и Фанни Соломоновны родилось пятеро детей, но в живых остал-

Володя

Володя с Мишей Лукичевым

ся только Григорий Самойлович. Трое умерли в раннем детстве, а самый младший, 17-летний Виля, студент Московского авиационного техникума, в 41-м добровольно ушел на фронт и не вернулся. Володе часто рассказывали о нем. Официального подтверждения гибели сына Гершензоны так и не получили. Но в семье бережно хранилось письмо от сослуживца и друга Вили, в котором сообщалось, что он «погиб героической смертью в борьбе с немецким фашизмом во время бомбежки 5 декабря 1943 года и похоронен в деревне Липняки Полесского района». Полина Григорьевна посылала запросы в самые разные инстанции, но ответ был один: след потерялся. И только год назад мне удалось найти его имя на памятной плите мемориального комплекса в поселке Паричи Светлогорского района Гомельской области. Под номером 177 надпись: «Гершензон Вильям Самуилович, р. в 1924, младший лейтенант. Погиб 05.12.1943 у д. Моисеевка»... Невыносимо грустно, что никто из Гершензонов не дожил до этого.

Фанни Соломоновна и Самуил Григорьевич с нетерпением ждали возвращения Гриши домой. Еще больше ждали Володю – единственного внука. Сказать, что дедушка и бабушки любили Володю, – не сказать ничего. Его обожали, им гордились, он был самым важным человеком в семье. Только Надя так и не смог-

ла стать для них родной.

Григорий Самойлович очень страдал от этого. Не мог не чувствовать этого и необыкновенно чуткий Володя, горячо любивший маму.

Школа Володе давалась легко. Только математика и физкультура были на «троечку». Однако родители уже понимали, что растет гуманитарий, и спокойно к этому относились.

Сохранились воспоминания Григория Самойловича о первых литературных опытах сына: «Никто никогда не записывал за Володией его стихов. Им просто не придавали значения. Первые листочки с Володиными стихами сохранились случайно. Часто дети дарят взрослым свои рисунки. Володя дарил свои стихи. Бабушки, не чаявшие души во внуке, с нежностью хранили их. Иногда он ставил на них дату, иногда нет. Иногда торжественно подписывал: «Бабушке Поле свои стихи посвящает автор».

Выловив как-то у бабушки из шкафа увесистую книгу «В помощь учащимся женщинам» и прочитав там стихи известной поэтессы, Володя не преминул отметить и это, записав свои стихи с посвящением: «Памяти русской Сафо, Мирре Лохвицкой, свои стихи посвящает автор».

Любовь к стихам была наследственной, и то, что Володя все время что-то рифмует, никого не удивляло. К этому относились как к его любимой игре.

Первым настоящим другом Володи был одноклассник Миша Лукичев. «Больше, чем друг – мы братались с ним», – говорил он о Мише. Лукичев жил на улице Правды, в квартале от Гершензонов, и часто бывал у них. Он был талантливым художником. Но главным его увлечением была история Москвы. Григорий Самойлович часто рассказывал мальчикам о прошлом своего района – он знал историю каждого дома на Ленинградском проспекте и прилегающих к нему улицах, был знаком со многими интересными людьми, живущими здесь. (Значительно позже в муниципальной газете «Север столицы» была напечатана серия очерков Григория Самойловича о прошлом Бегового района, которая пользовалась большим интересом у читателей).

Близкие отношения с родителями друга Миша сохранил и после его гибели. Как самую дорогую реликвию берегли Григорий Самойлович и Надежда Владимировна книжку Володиных стихов, сделанную Мишей вручную и оформленную его графическими рисунками. На них оживали уголки старой Москвы: дома и закоулки внутреннего двора, старые гаражи, маковки цер-

Детская тетрадь со стихами

ковных куполов за оградой – все так, как было при жизни Володи. Эти зарисовки потом вошли и в тбилисский сборник Полетаева. Только рисунок с уходящей вверх улицей на его обложке был сделан значительно позже – во время Мишиной поездки с Григорием Самойловичем в Тбилиси в 1976 году.

Михаил Петрович Лукичев, всемирно известный историк-архивист, директор РГДА – крупнейшего российского хранилища русских манускриптов, документов и печатных книг XVI – начала XIX века, умер от сердечного приступа в 2001-ом году в возрасте 50 лет. Для Григория Самойловича и Надежды Владимировны это была очень тяжелая утрата.

Осенью 1968 года Володя и Миша познакомились с Сашей Казинцевым и его одноклассником Сашей Сопровским. Они учились в историко-литературном классе школы-лаборатории при Академии педагогических наук (№710).

«Володя был [...] не по годам взрослым, – вспоминает Казинцев. Я имею в виду его обширную начитанность, его лидерские качества. Для меня Володя был наставником. А он чувствовал в себе силу вести за собой, «прокладывать след».

Карта поэзии, развернутая передо мной Володей, поражала воображение! [...] Я заново открыл для себя Пушкина, Языкова, Баратынского, Тютчева. Даже Некрасова, которого не любил за то, что его с нажимом насаждали в школе. Но вот этого нам не преподавали:

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;

Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

[...] Дальше изучение пошло по двум направлениям: современная русская и зарубежная поэзия. И в том, и в другом случае имена не случайные, зачастую контрастные. Из отечественных авторов Тарковский соседствовал со Смеляковым, Юнна Мориц с Новеллой Матвеевой, Владимир Соколов с Александром Твардовским и Михаилом Исаковским. Тогда же я впервые прочитал «Песню

о Роланде» и гениев Древнего Китая Ли Бо и Ду Фу, современника Мигеля Сервантеса Луиса де Гонгору и испанских поэтов XX века, ориентировавшихся на его творчество, – Лорку, Рафаэля Альберти, Дамасо Алонсо, поляков – Галчинского, Тувима, Ивашкевича.

Открытие этого многоголосого поэтического мира ошеломило меня. Изменило мое представление о поэзии и мои стихи».

«Он тогда был для меня буквально всем! Сказать пафосно – всем миром», – признается А. Казинцев в письме к краснодарской журналистке Марине Синкевич.

Как вспоминает ныне живущий в Америке поэт Виктор Санчук, «о влиянии, которое, как он сам создавал, оказал на него» Владимир Полетаев, с «огромным почтением и признанием несомненной величины его таланта» говорил и Александр Сопровский».

«После смерти Володи наша группа стала зерном, из которого возникло «Московское время». Мы с Сопровским задумали издание альманаха, а Миша создал брошюру обложку и иллюстрировал выпуск», – вспоминает А. Казинцев.

Подтверждение этих слов есть и в переписке Александра Сопровского с будущей женой, Татьяной Полетаевой. В письме от 05.03.75 подробное описание подготовки первого выпуска альманаха «Московское время» заканчивается словами: «А мы с Сашей и Мишей уже обдумываем второй выпуск (где-нибудь к лету). Он будет помимо прочего посвящен твоему покойному однофамильцу, а я уже написал черновик статьи о Полетаеве».

Понятно, что Саша – Казинцев, а Миша – Лукичев. Но нет никакого сомнения и в том, что Владимир Полетаев, погибший за несколько лет до появления «Московского времени», имел к нему самое прямое отношение. Как нет сомнения и в том, что если бы Володя остался жить, он был бы рядом со своими друзьями-учениками.

О том, что объединило группу начинающих московских поэтов для выпуска «самиздатовского» альманаха, лучше всего говорят сами его участники:

Володя в 10 классе

«Дружеский, застольный круг естественным образом переродился в литературное сообщество» (В.Куллэ);

«Да и не было никакой группы. Это все миф. Была компания, понимаете? [...] Был тотальный дефицит – книг, информации. [...] Мы просто пытались писать хорошие стихи. [...] И вот в этом-то вся наша групповщина и заключалась» (Николай Цветков);

«Мне представляется, что родство все-таки было. Речь идет о категорическом неприятии советского режима». (Сергей Гандлевский);

«Конечно, мы эту власть не навидели люто. Но не ставили задачу бороться с ней с помощью стихов». (Николай Цветков);

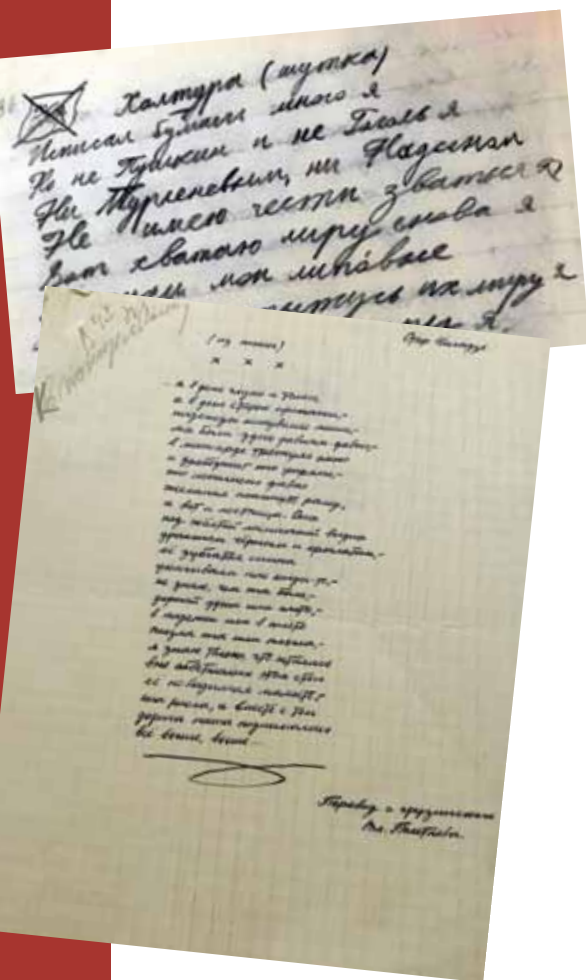
«То была номенклатура – серая, невежественная, тяжело-весная. Вот это не давало нам дышать». (Александр Казинцев)

И сразу вспоминаются стихи Полетаева, написанные задолго до «Московского времени»:

Судите пристально и строго
Без лесты каждую строку,
Но не твердите, ради бога,
Что должен я и что могу.
Мне суд друзей –

не осужденье,
но пусть не путают слепцы
строфы свободное рожденье
и акушерские щипцы.

Казинцев отмечал, что Полетаев «невысоко ставил свои литературные знания». Об этом говорит и признание самого Володи Алле Каюмовой, одно-

класснице из Орджоникидзе, с которой он переписывался несколько лет: «Я, наверное, пойду в Литературный институт, буду литературоведом. Конечно, очень хочется стать писателем, но для этого требуется одна пустяковая вещь, которой у меня нет, – талант...»

Эта редкая для начинающего поэта увлеченность не собой в поэзии, а поэзией в себе больше всего поразила известного поэта и переводчика Льва Озерова, впервые услышавшего десятиклассника Володю Полетаева во время дискуссии на филологическом факультете МГУ: «Он говорил [...] ярче, глубже, а главное – более самостоятельно, чем старшие по возрасту студенты и аспиранты. После дискуссии я предложил Владимиру Полетаеву на правах гостя посетить мой семинар поэтов-переводчиков в Литературном институте. Он пришел... и остался в нем, поступив в институт и участвуя одновременно в семинаре по переводу грузинской прозы, руководимом А. Н. Беставашвили».

Еще совсем молодая, яркая,

смелая, невероятно свободная в своих высказываниях Анаида Николаевна стала очень важным человеком в жизни Володи. Именно она зажгла в его сердце любовь к Грузии, к ее языку, к ее поэзии. С ней можно было говорить о том, о чем с другими говорить было невозможно: о любимом Пастернаке и его книге «Стихи о Грузии», изданной в Тбилиси в знак поддержки поэта в самый разгар травли после Нобелевской премии; об отказе подписывать оскорбительные письма в адрес Пастернака группы грузин-переводчиков, в которую входила и Анаида Николаевна; о Галиче, с которым Анаида Николаевна дружила; об открытой травле Олега Чухонцева после публикации в журнале «Юность» его стихотворения «Повествование о Курбском»...

«Для меня общение с ним было настоящим счастьем, – вспоминает Анаида Николаевна. – Володя был самым молодым студентом в Литературном институте, но его знали и любили все. Фантастически образованный, интеллигентный, простой, искренний – он поражал меня своей увлеченностью поэзией и глубиной ее понимания. При этом не было в нем никакой заносчивости, никакого ощущения своей избранности. Я училась у него многому. Как и все, кто занимался в моей группе. А ведь все были значительно старше Володи и уже имели серьезные публикации, прежде чем поступить в институт. Вот Вахтанг Федоров-Циклаури, например, уже давно печатался и был старше не только Володи, но и меня...».

После 1-го курса Володя по приглашению Вахтанга Федорова-Циклаури отправился вместе с ним в неспешное путешествие по Грузии: пожил в настоящей грузинской деревне, обошел весь Тбилиси, открыл для себя живопись Пиросмани и Гудиашвили, съездил в Мцхету – древнюю столицу Карти, «на яву» увидел храм Светицховели, пешком поднялся к древнему монастырю на вершине горы Джвари, откуда открывается величественная панорама слияния двух главных рек Грузии – Арагвы и Куры.

«Каждый здесь поэт, даже если не пишет стихов, но челове-

ка, который читает на ходу книгу, поднимут на смех... Здесь слишком любят жизнь! [...] Может быть, когда-нибудь хватит духу написать обо всем, что теперь вижу...», – писал Володя родителям из Грузии.

Вернулся в Москву окрыленный. Стихи, переводы, эссе (как он сам пошутил) «посыпались, как картошка из дырявого мешка». Одна за другой появились подборки стихов в газете «Московский комсомолец», журнале «Смена», сборнике «Тропинка на Парнас».

Но тут случилась любовь. О Володиных влюбленностях, которые легко появлялись и так же легко проходили, знали все. Со всеми девочками, в которых когда-то был влюблен, у него были самые дружеские отношения. Но это было другое – большое, настоящее.

Впервые я услышала о Вере от Григория Самойловича. Спросила, где они познакомились. «Мы были соседями по даче», – ответил он. (При мне у Гершензонов дачи давно уже не было – продали. Потом снимали несколько лет. Какая из них – не знаю).

Она почти на два года старше Володи. Умница, красавица. Позади неудачный брак. Маленькая дочь. Из известной московской семьи. Дед – один из самых почитаемых кинорежиссеров Советского Союза, дважды лауреат Ленинской премии. Бабушка – киноактриса. Мама – режиссер и писатель. Отец – известный ученый-археолог, писатель, доктор исторических наук. В одном из его рассказов есть описание, как сделал предложение будущей жене. «Вам известны мои чувства к вам, – сказал он, – но прежде чем сделать вам предложение, я обязан открыть вам о себе важную тайну: я ненавижу Сталина». И получил согласие.

О главной своей книге – документальной повести, посвященной советской оккупации Литвы 1940-1941 годов, в которой принимал участие, отец напишет: «Это попытка следовать призывам двух великих писателей: английского – Джорджа Оруэлла, восставшего против двоемыслия, и русского – Александра Солженицына, своим творче-

ством и жизнью показывающим пример жизни не по лжи». На его надгробном камне на Лондонском кладбище Ганнерсбери начертано: «Он всегда спешил делать добро».

На дворе 1969 год. Она уже приняла решение уехать в Израиль. Позвала Володю с собой. В последних числах апреля состоялось объяснение Володи с родителями. У Надежды Владимировны нервный срыв. Григорий Самойлович пытается успокоить ее. Ему не легче, чем жене, но он не сомневается в праве сына на самостоятельный выбор. Как и Самуил Григорьевич.

Анаида Николаевна Беставашила вспоминает: «В Литинституте вторник был днем творческих семинаров, а индивидуальные консультации я проводила по четвергам после общих лекций. Володя хотел попробовать свои силы в переводах грузинского гения 20-го века Галактиона Табидзе. Это двоюродный брат Тициана, не принадлежавший к группе символистов «Голубые роги», называвший себя «рыцарем ордена одиночества». Обо всем этом я рассказывала студентам, и Володя, как юноша азартный, решил испытать свои силы на поэте, по сей день так толком не переведенном. И начал с самого трудного – «Оды Никорцинде».

Последняя фотография Володи

29 апреля мы с ним на консультации довольно долго беседовали об этом шедевре. Поскольку все занятия уже закончились, мы с ним сидели в небольшой уютной комнате кафедрой художественного перевода. Поработали не меньше двух часов. Попрощавшись, Володя неожиданно вернулся, какой-то очень бледный и напряженный. «Анаида Николаевна, – сказал он мне как-то неожиданно официально, – а почему Вы мне не сказали, что Галактион в 1959 году не просто скончался, а выбросился из окна клиники». Да, я действительно почему-то не рассказала Володе об этой трагедии. Но Володя, видимо, знал все это и без меня.

Легенда, за долгие годы ставшая практически признанным фактом, гласит, что Галактион находился в клинике на лечении и увидел из окна лечебницы группу русских писателей (в их числе был Михаил Луконин), якобы имевших задание из Москвы получить подпись самого авторитетного грузинского поэта под требованием исключить Бориса Пастернака из Союза писателей СССР. Галактион выбросился из окна с пятого этажа и разбился насмерть.

На вопрос Володи я ответила, что Галактион, потерявший в 1940 году любимую жену Ольгу Окуджава (это родная тетьа Булата, репрессированная и погибшая во Владимирском центре), стал запивать горе вином и оказался в клинике по этой самой причине. Выслушав меня, Володя как-то недоверчиво попрощался и отправился домой. Некоторое время я сидела в непонятном оцепенении, а потом схватилась за телефонную трубку. Ответил мне Григорий Самойлович (к этому времени мы с ним были достаточно хорошо знакомы). Я сказала ему, что встревожена состоянием Володи и прошу родителей как-то успокоить сына. Я совершенно не знала тогда ничего о Вере. Остальное узнала позднее...».

30 апреля 1970 года на девятнадцатом году жизни Владимир Полетаев выбросился из окна своей комнаты на шестом этаже.

Через четыре года после гибели друга Александр Сопро-

вский, ставший одним из самых известных поэтов «Московского времени», напишет пронзительное стихотворение с посвящением:

В. Полетаеву

Четыре года памяти чужой,
Четыре года воздуха и света,
Твоей неповторенною листвою
Дышать готово будущее лето.
И нет причин,

причины для живых,
Для нас задачи
требуют решенья,
А смерть свободна,
как предсмертный стих,
И нет за ней таблицы умноженья.
И выхода, как выяснилось, нет,
А только черный натиск урагана,
И стон стволов,
и солнечный рассвет,
И вымокшие липы утром рано.
И вот ты увидал, как во дворе
Квадрат мелком
расчерчивают дети,
А ты в оконной скорчился дыре
И больше не жилец
на этом свете.

Из-за черты Садового кольца,
Лишь одному тебе
навеки внятней,
Примчался звук
тоски невероятной,
Как будто скрип
знакомого крыльца.
И ты преображаешься в молву
Подобием растаявшего снега,
А кровь твоя стекает в синеву,
В нутро перевернувшегося неба.
Вот отчего всей клеткою грудной
Теснится нескончаемое что-то –
Четыре года памяти земной,
Четыре года вечного полета.

Пятьдесят лет, уже пятьдесят.

Надежда Владимировна пережила мужа на 13 лет. О Володиной смерти никогда не говорила. Вспоминала только радостное: каким был ласковым ребенком и замечательным сыном. В последний год жизни стала рассказывать все. В подробностях. В предсмертной агонии говорила с Володей, тянула к нему руки, пыталась встать. Потом затихла.

Теперь они все вместе, на Востряковском кладбище. Володя с отцом в одной могиле; рядом, в другой, – Надежда Владимировна.

И не осталось никого. Только стихи.

МЦХЕТСКАЯ БАЛЛАДА

Словно ребенок в своей колыбели,
Храм в обрамленьи неба и гор
Свети-Цховели.
В Свети-Цховели
Царь и советник вели разговор.
Царь говорил:
«Перед новой святыней
Я в восхищеньи сегодня стою.
Храм этот вызовет в каждом грузине
Гордость в душе за столицу свою.
Только что делать, чтоб в землях соседних
Равного нашему чуду не быть?»
Тихо царю отвечал собеседник:
«Зодчему – правую кисть отрубить»...

Годы прошли с той поры. Потускнели
Царские очи. Советник стал хвор.
В темном притворе Свети-Цховели
Снова заводят они разговор.
Царь говорит: «На далекой чужбине
Нашего храма воздвигнут собрат:
Та же суровая сдержанность линий.
Строгий шатер завершает фасад.
Каждая кладка – знакомая фраза.
В каждой – Иверии нашей душа.

Разве палач не дослушал приказа?
Или тот мастер был просто левша?»
«Нет, – отвечает советник, – простого
Знанья нам не было прежде дано,
Что воздвигаются храмы по слову,
Если исходит от сердца оно»...

Это досель неизвестно иным...
Вот и твердят, что судьбой чудотворной
Зодчий избавлен от участи черной,
Дожил до старости невредим.
Где бы ни шел он цепочкою горной,
Новые храмы вставали за ним.

Свети-Цховели, о, Свети-Цховели,
Храм, подпирающий синеву –
Не на эстампе, не в акварели,
Скоро ль увижу тебя наяву?!

НАРИКАЛА НОЧЬЮ

Горящим облаком плыла
над головами Нарикала.
Мангалов красная зола
тарасилась и уползала.
В расшитой чохе, в газырях,
как лилипуты, перед нами

ползли мангалы враскоряк, –
так саранча ползет на пламя.
А крепость женщиной была,
искусно вытканной из мрака.
Она спускалась в зеркала
Куры
лукаво и двояко...

*А в доме глухо и темно.
О. Чиладзе*

...а в доме музыка жила, –
когда она входила в двери,
вставали мы из-за стола,
себе уже почти не веря.

Не глядя, не смотря вокруг,
она протягивала руку,
и от руки тянулся звук
или, верней, подобье звука.

Он возникал помимо фраз,
обетов наших и обедов,
и знали мы, что он от нас
не утаит своих секретов.

Что он, правдивый до конца,
рыдая и смеясь над нами,
летит, как бабочка на пламя,
на руки наши и сердца.

Он открывал нам в нас самих,
такие стороны и струны,
что становился старец юным,
а юный – мудрым, как старик.

Там, где на языке орлином
Вступают горы с небом в спор,
Откуда эхо по долинам
Разносит этот разговор,
Окраской огненной и странной
Горели травы и цветы,
Во славу жажды первозданной
И первозданной чистоты.

Там пшав постиг, что мы не вправе,
Без содроганья от стыда,
Одни дрова искать в дубраве,
А в травах – пищу для скота.
И я за ним волшебным лугом
Как зачарованный бродил.

С любой былинкой, словно с другом,
В беседе душу отводил.
Скакал наперерез кистину,
И сам кистином был в бою,
Но никогда не метил в спину,
И честь не уронил свою...

Я б с нежностью слагал сыновьей,
Как он, о Пшавии слова,
Когда б не роци Подмосковья
И улицы твои, Москва,

И переулков сумрак тихий,
И свет с шестого этажа,
Где мы узнали и постигли
Величье мудрого Важа.

ГУРАМ РЧЕУЛИШВИЛИ

Где селенья ютятся у скал,
Где гремят камнепады утрами,
Безутешное эхо разносит окрестным горам:
«Где ты, мальчик, Гурами,
Где ты, юноша смелый Гурами?
Где охотник умелый,
волшебный рассказчик Гурам?»

Там, где волны выходят на берег пологий,
Серой галькой стучат,
словно мелкой моне-той в горсти,
Я у моря спросил:
«Где Гурами, пловец одинокий?
Где Гурами, что в бурю
пытался кого-то спасти?»
И ответило море:
«Было в Грузии много Гурами:
Тот – в Орпири до смерти
зловонные топи сушил,
Тот – навеки уснул на веселой
пирушке с друзьями,
Тот – в жестоком сраженьи
холодные веки смежил.

Изо всех над одним
я тяжелые своды сомкнуло,
Звонкий голос его
поглотил беспокойный прибор.
Ты к воде подойди и прислушайся
к мерному гулу –
И дыханье Гурами почувствуешь
перед собой.

Кружит нанятых плакальщиц-чаек
крикливая стая.

Приглядишься, ты увидишь,
где смелый Гурами плывет.
Только мне не мешай.
Я далекие слезы считаю.
Я мелею, а это единственный
верный доход...»

Грустен вымысел мой.
Не ищи в нем спасенья от горя.
От рассказа Гурами я глаз оторвать не могу:
В том рассказе хевсурсы пьют пиво,
горланят и спорят
В темной башне у скал, что стоит
по колено в снегу.

Вполнеба огненный лоскут,
и лозы темные, как вены,
и виноградари идут
в кипящем солнце по колено.
Представь, что я один из них.
Мне этот труд и всласть, и в силу.
Но ты мне снова скажешь:
«Милый,
здесь нет души, здесь все из книг».

Глаза ладонью закрываю,
Иду по свету наугад...
В Тбилиси, верно, листопад.
Морщинистая и сырая
Листва платанов и чинар
Срывается на тротуар,
Холодным пламенем играя...
А у меня продрогший двор
Чехлами белыми закутан.
В больших подъездах, как в закутах
Подростков поздний разговор.

О, матерей смешные пени,
Простуда, кашель горловой.
Мигает лампочка – и тени
Качаются над головой...

Подросткам будут сниться тропы
К вершинам гор, снегов броня.
А мне – Галактиона строфы
И бег волшебного коня.

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Если бы в 1910-м над столицей Грузии не появился один из первых на планете аэропланов «Фарман», не было бы потом легендарных самолетов-амфибий под маркой «Бе». Потому что семилетний сын чернорабочего не увидел бы полет знаменитого авиатора Сергея Уточкина, и не знала бы тогда история авиации выдающегося конструктора Георгия Бериева. Опередившего инженерную мысль своего времени, оставившего после себя не только гидросамолеты, которым даже ставят памятники, но и целый промышленный комплекс, где работают его последователи.

Отец будущего авиаконструктора Михаил Бериашвили из кахетинского села Сабуе поменял свою грузинскую фамилию на русский лад еще до женитьбы на прачке Екатерине Прохоровой и рождения Георгия, ставшего пятым ребенком в семье. Вскоре после того, как мальчик идет

школу, в октябре 1910 года на афишных тумбах и в газетах Тифлиса – сообщения Кавказского воздухоплавательного кружка. Все желающие приглашаются на ипподром Тифлисского скакового общества в предместье Дидубе, где пройдут два полета первого в России летчика, владельца единственного в стране частного аэроплана И.С. Уточкина. Посмотреть на невиданное зрелище спешат толпы горожан, и в первый же день среди них – вся семья Бериевых и поручик Кавказской резервной артиллерийской бригады Петр Нестеров.

«С этого началась моя авиационная деятельность», – напишет позже этот офицер, ставший основоположником в мире высшего пилотажа и впервые применивший таран в воздушном бою. А это – воспоминание Григория Бериева: «Когда Уточкин поднялся в воздух, все взбудоражились. Подготовку к полету мы, конечно, не видели, но аэро-

план в воздухе помню до сих пор. Летал Уточкин недолго и не очень высоко, и не над толпой, а в сторону Дигоми. Событие это было необычным и запомнилось мне на всю жизнь. Я и сейчас помню этот жаркий день и пожелтевшую траву. Очевидно, это первое впечатление о полете человека на аэроплане надолго запечатлелось в моем детском сознании и уже тогда родило во мне мечту о полете в воздухе».

Со школой мальчику везет – там директорствует педагог по призванию, энтузиастка образования, стремящаяся не ограничиваться школьной программой. И Бериев всю жизнь вспоминает особо запомнившуюся ему экскурсию в Батуми, где ребят поражают уникальный Ботанический сад и набережная, с которой видны огромные корабли. После этой школы небогатым родителям все-таки удастся устроить сына в начальную техническую школу, и именно там у

КАВКАЗСКИЙ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНЫЙ КРУЖОК.
Ипподром Тбилисского Снакового Общества ПЕРВЫЙ ПОЛЕТЬ
С. И. УТОЧКИНА
ВЪ СУББОТУ, 16-го ОКТЯБРЯ, ВЪ 3 ЧАС. ДНЯ.
Второй полетъ ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17-го. Билеты продаются. Т. 445 4—3

него открываются способности к точным наукам. Это позволяет парню после недолгой работы учеником литейщика на небольшом заводе Гильберта в 1919-м поступить на факультет механики солидного учебного заведения в Тифлисе – Михайловского технического железнодорожного училища Министерства путей сообщения.

А потом – крутые перемены в жизни страны, и в 1921 году Георгий уже служит в Красной Армии. Сначала – в 1-м Грузинском стрелковом полку, затем – в учетно-мобилизационной части 7-го отдельного полка. Но полки-то эти располагаются в Тифлисе, и Бериев получает возможность продолжить учебу уже на вечернем факультете. Училище окончено в 1923-м, и Георгий делает первую попытку сделать реальностью мечту о небе – подает заявку на поступление в Егорьевскую авиашколу под Гатчиной. Но, увы, комсомольская путевка туда достается другому. И сегодня, зная, как сложилась жизнь Бериева, мы можем задаться вопросом: а может, это – веление судьбы? Ведь, если бы появился еще один хороший летчик, то не было бы гениального авиаконструктора...

А тогда, в 1924 году, уволившийся в запас Георгий, поступает в Тбилисский университет, на факультет, которому через 4 года предстоит перерасти в Грузинский политехнический институт.

И затем даты его жизни совпадают с датами становления отрасли, которой он посвятит всего себя. В том же 1924-м Реввоенсовет принимает план развития Красного воздушного флота. Он определяет и основные направления работ по созданию морских самолетов, которые тогда закупали за рубежом. В 1925-м Бериев, мечтающий о небе, переводится на авиационное отделение кораблестроительного факультета Ленинградского политехнического института. И там становится одним из активнейших участников превращения этого отделения в самостоятельный авиационный факультет. А в том же году в Ленинграде начинает работать Отдел опытного морского строительства – для объединения всех усилий в области гидроавиационного строительства.

Итог этих усилий неутешителен: ни одна модель гидросамолета в серию не пошла. И пролетарское государство приглашает из капиталистической Франции авиаконструктора Поля Эме Ришара с десятью его сотрудниками. Для них создается конструкторское бюро под обязательной аббревиатурой МОС ВАО (Морское опытное самолетостроение Всесоюзного авиационного объединения). Сюда передаются все имеющиеся разработки, а затем основные усилия сосредотачиваются на ТОМ-1 (торпедоносце открытого моря). И именно к Ришару получает в 1930 году направление окончивший институт Бериев. Кстати, он уже совершил полет на самолете. Правда, как пассажир, проходя практику на заводе «Красный летчик». Через двадцать лет после того, как в Тифлисе увидел «Фарман» Уточкина.

Он начинает работать инженером-конструктором в группе расчетов самолета на прочность, затем переходит в конструкторскую группу моторных установок, но этого ему мало: он хочет познакомиться и с конструкцией всего самолета, и с технологией его создания. Помогает ему ведущий инженер по производству ТОМ-1 Нико-

лай Камов. Будущий создатель серии знаменитых вертолетов «Ка» переводит Георгия в опытный цех и тот активно берется за работу над торпедоносцем. Ему даже поручают подготовить в Севастополе специальную испытательную базу. Но именно на ней в 1931 году выясняется, что ТОМ-1 мало чем отличается от поплавкового варианта первого в мире серийного цельнометаллического двухмоторного бомбардировщика ТБ-1, созданного таким авторитетом, как Андрей Туполев.

Поэтому контракт с Ришаром не продлевают, он возвращается на родину, а МОС ВАО расформировывается. Лучшие сотрудники переводятся в крупнейший научный авиационный центр страны ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт). Среди них и Бериев, которого назначают на пост замначальника морского отдела Центрального конструкторского бюро. Тогда в отделе разрабатывались несколько машин, и Георгий Михайлович вызывается работать над морским ближним разведчиком, которому присвоили обозначение МБР-2. Он и не предполагает, какие хождения по мукам предстоят ему с этой моделью. Он проводит множество экспериментальных иссле-

Георгий Бериев в 1929 г.

Поль Эме Ришар

дований, соглашается с тем, чтобы не делать свое творение из металла – НИИ морской авиации «настоятельно советует»: флоту нужен деревянный самолет. И Бериев делает конструкцию МБР-2 максимально простой, рассчитанной на массовый выпуск. В конце концов, в «верхах» проект гидросамолета одобряют и принимают решение о строительстве опытного экземпляра. Он получает заводской индекс «машина № 25», а в разговорах между собой рабочие и инженеры называют его «четвертак».

Чертежи этой машины создаются и передаются на завод довольно быстро. Но там цеха загружены плановыми работами, и деталями для опытного экземпляра в них занимаются в последнюю очередь. Тогда Бериев, вполне в духе времени, призывает на помощь комсомол. Заводская организация и сама берет шефство над его детищем, и привлекает опытного мастера, работавшего в самолетостроении еще до революции. В общем, к осени 1931 года кажется, что все в порядке, но тут оказывается, что двигатель, необходимый для «четвертака», не будет создаваться серийно, и директор завода приказал прекратить работы по оставшейся без мотора машине. Бериев просит установить двигатель, выпускающийся серийно. Он слабее планировавшегося, но иного выхода

нет. Однако отказано и в этом: «В плане опытных работ завода, утвержденном правительством, этой машины нет».

«У меня остался последний выход – обратиться с этим вопросом к одному из руководителей ВАО Н.М. Харламову, – вспоминал Бериев. – На приеме у Харламова я подробно доложил ему обо всей проделанной по самолету работе и о своем предложении по поводу установки на нем мотора М-17. Николай Михайлович, внимательно выслушав меня, тут же связался по телефону с директором завода и дал распоряжение о завершении постройки опытной машины МБР-2 с выбранным мною мотором». Для того, чтобы переделать самолет под новый двигатель, много времени не требуется. И к концу 1931-го самолет уже не только собран, но и прошел испытания крыла, оперения, центровки. Весной следующего года «машина № 25» в разобранном виде доставляется в Севастополь, и на 30 апреля назначается первый полет под управлением известного морского летчика Бенедикта Бухгольца.

Событие, как водится, посвящается ближайшему празднику, это – «очередной подарок к Дню международной солидарности трудящихся». Зрителей – множество. Бериев командует: «Машину на воду!» и... самолет не может оторваться от тележки, на которой его вкатили в воду. Разочарованные гости, расходясь, подтрунивая над испытателями, а те спешат разобраться в причинах конфуза. Оказывается, что летные качества «четвертака» ни при чем. Обитое войлоком ложе тележки не смазали тавотом, и оно намертво приклеилось к днищу самолета, покрытому специальным лаком, защищающим металлические поверхности. Следующая попытка – через два дня, 3 мая. Никто о ней не расскажет лучше, чем сам создатель нового гидросамолета:

«...Заработал двигатель, и гидросамолет начал выплывать красивые восьмерки на воде. Установив поведение машины на рулежках, летчик начинает проверять ее на пробегках, постепенно наращивает скорость и

доводит ее чуть ли не до взлетной – самый ответственный момент. Неоднократно мне приходилось быть свидетелем того, как на таких пробегках испытываемые гидросамолеты «барсили», выброшенные из воды мощными гидродинамическими силами, возникавшими на режимах глиссирования. Рев мотора усиливается – это летчик дал полный газ и сейчас взлетит. Летящая лодка быстро набирает скорость на разбеге, секунд через двадцать легко отрывается от воды – и... взмывает в небо! У всех на гидроспуске вырвался вздох облегчения: «Летит, родимая!» Через восемь минут полета испытатель безукоризненно выполняет приводнение и сразу же идет на повторный взлет. Через четырнадцать минут вновь посадка – на бухту с моря надвигалась сплошная молочная стена тумана. Гидросамолет без помощи катера-буксировщика подруливает к самому спуску, и я слышу первую оценку летчика: «Машина отличная. Жить будет!»

Еще двадцать дней уходят на обязательные заводские и государственные испытания, в которых Георгий Михайлович сам участвует как член экипажа. И убеждается, что никакие дополнительные доводки не требуются. Находившуюся тогда на вооружении морской авиации

Андрей Туполев

Легендарный МБР-2

итальянскую «Савойю С-62Б» «машина № 25» превосходит по мореходности и взлетно-посадочным качествам. Так что Бериев с легким сердцем возвращается в Москву: все трудности вроде бы завершились, самолет вот-вот запустится в серию. Но не тут-то было. После того, как командование Военно-Воздушных Сил без замечаний утверждает «Акт по государственным испытаниям опытного самолета МБР-2», проводится совместное совещание представителей авиационной промышленности и морской авиации. И на нем никто иной, как сам Туполев выступает категорически против бериевской, как он выразился, «деревяшки».

Вместо МБР-2 авторитетнейший конструктор предлагает серийно выпускать, конечно же, свою цельнометаллическую летающую лодку МДР-2. Но тут уже противятся военные – по результатам летных испытаний этот гидросамолет не удовлетворил требования морской авиации. В итоге разногласий вопрос о производстве самолета Бериева опять повисает в воздухе. Тем более, что после нескольких реорганизаций для концентрации всех мощностей авиапромышленности Григорий Михайлович в мае 1932 года оказывается в Конструкторском отделе опытного самолетостроения (КОСОС), которым руководит... Туполев.

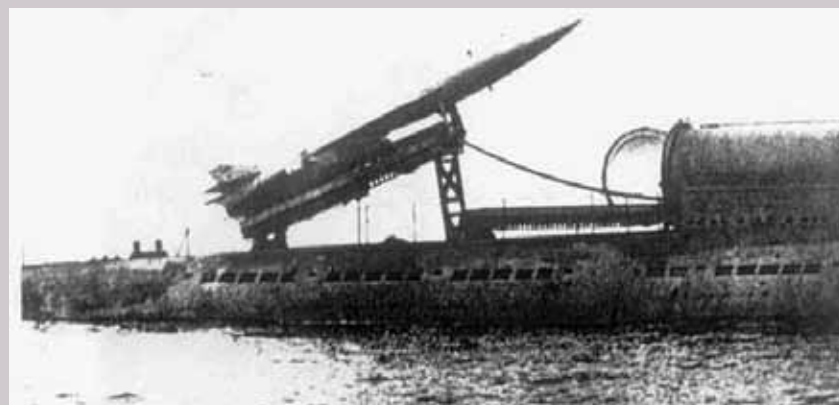
И тут снова приходит на помощь Харламов, уже возглавивший ЦАГИ. Он предлагает Бериеву создать пассажирский вариант МБР-2: если это заинтересует гражданскую авиацию, можно намного легче и быстрее запустить новую летающую лодку в серию. Потом Харламов дает соответствующее указание Туполеву, который реагирует на удивление спокойно. Он лишь заявляет Бериеву: «Я тебе выделю на эту работу конструкторов, машина твоя, так ты ею сам и занимайся».

А тому только это и надо. Вместе с выделенными ему конструкторами он перерабатывает эскизы и чертежи, по которым делали опытный «четвертак», хотя пассажирский гидросамолет минимально отличается от морского разведчика. Изменения коснулись лишь внутренней

компоновки: на месте стрелка-радиста установили сиденья для пассажиров, а в палубе лодки вместо турели (установки для крепления пулеметов) сделали входной люк. Планировалось, что такой пассажирский вариант можно серийно строить на заводах Таганрога или Севастополя. Но тут грядут очередные судбоносные для Бериева. Конструкторское бюро, в котором он работает, перемещают на опытный завод и отдают под начало еще одного великого авиаконструктора Сергея Ильюшина.

А потом происходит самое главное. Штаб РККА принимает строгое решение: «Строительство морской авиации необходимо выдвинуть на первый план, и не за счет заграничных закупок (кроме образцов), а путем постройки заводов и создания новых конструкций гидросамолетов». И тут выясняется, что единственный гидросамолет, для которого не нужны ни лицензия, ни закупки комплектующих за рубежом, да еще и готовый к быстрому запуску в серию, это МБР-2. И после совещания о состоянии морской авиации, которое проводит в Кремле лично Сталин, в Реввоенсовет СССР вызывают Ильюшина с Бериевым. Чтобы сообщить им: правительство решило принять МБР-2 на вооружение морской авиации. Ильюшин тут же поздравляет тридцатилетнего коллегу: тот официально признан как авиаконструктор. Свидетельство этого признания – заграникомандировка. В 1933-м, к капиталистам, для перенимания опыта! И он полгода проводит на заводах Англии, Франции, Италии и США.

Крылатая ракета П-10

Николай Харламов

Для серийного выпуска нового морского разведчика выбирают Таганрогский авиационный (бывший аэропланый) завод № 31 имени Г. Димитрова и назначают туда главным конструктором Бериева. «Стоп! – может сказать тут коренной тбилисец. – Это же наше предприятие, его название я знаю с детства. В Великую Отечественную войну оно внесло немалый вклад в победу над гитлеровцами. По сей день один из городских районов мы неофициально называем «31-й завод». Что ж, никакой ошибки тут нет. Завод, производивший гидросамолеты в Таганроге, в 1941-м был эвакуирован в столицу Грузии, где переключился на выпуск истребителей ЛаГГ-3, Ла-5, Як-3 и первых реактивных самолетов. А перед приходом Бериева он выпускал в Таганроге по заграничным лицензиям летающие лодки, заменить которые был призван МБР-2. И конструктор проработал там до февраля 1941 года. Такая вот ниточка, еще раз связавшая его с Грузией.

В 1934-м Георгий Михайлович становится главным инженером Таганрогского завода и начальником опытно-конструкторского бюро морского самолетостроения. Так начинается эпоха МБР-2, который с различными модификациями выпускался свыше 20 лет и стал самым массовым гидросамолетом в СССР. В предвоенные годы летающие лодки Бериева – основные гидросамолеты со-

Сергей Ильюшин

ветской морской авиации. У них хорошие дальность полета и мореходность, они прочны, надежны, просты в управлении. Из-за серебристой окраски некоторые летчики называют их «морскими чайками». Другие пилоты – «амбарчиками». Из-за звучания аббревиатуры МБР и угловатых форм.

Но этим Бериев не ограничивается. Под его началом до войны создаются еще и две модели скоростного самолета «Сталь», сконструированного бежавшим из Италии антифашистом Роберто Бертини, и несколько видов летающих лодок КОР-1 (Бе-2) и КОР-2 (Бе-4), которые могут стартовать с катапульты на корабельной палубе. К тому же у них складывающиеся крылья и сменные шасси, что позволяет садиться и на воду, и на твердый

грунт. Они вооружены тремя пулеметами, поднимают до 200 килограммов – подобного нет нигде в мире. И до начала войны они служат разведчиками и спасателями на крупных кораблях Черноморского и Балтийского флотов.

Такой самолет, как МБР-2, не может не заинтересовать и гражданскую авиацию. Его пассажирская модификация названа МП-1 (морской пассажирский), потом появляется транспортный МП-1Т, способный поднимать до полтонны груза. Создаются и отдельные экземпляры для аэрофотосъемок, ледовой и рыбной разведки, изыскательских работ на крупных стройках. В Сибири, на Дальнем Востоке, и на Севере, где рек и озер больше, чем пригодных для аэродромов мест, МП-1 используются всюду: авиалинии по реке Лене из Иркутска до бухты Тикси и по Енисею – из Красноярска до Дудинки, рейсы из Хабаровска на Сахалин. А в европейской части страны – перевозки людей и грузов на линиях Одесса-Сухуми-Батуми, Мурманск-Ленинград-Архангельск... Люди так уверовали во всемогущество советской авиации, что однажды поступил запрос: можно ли на гидросамолете перевезти лошадей? Ответ короткий: можно, но в разобранном виде.

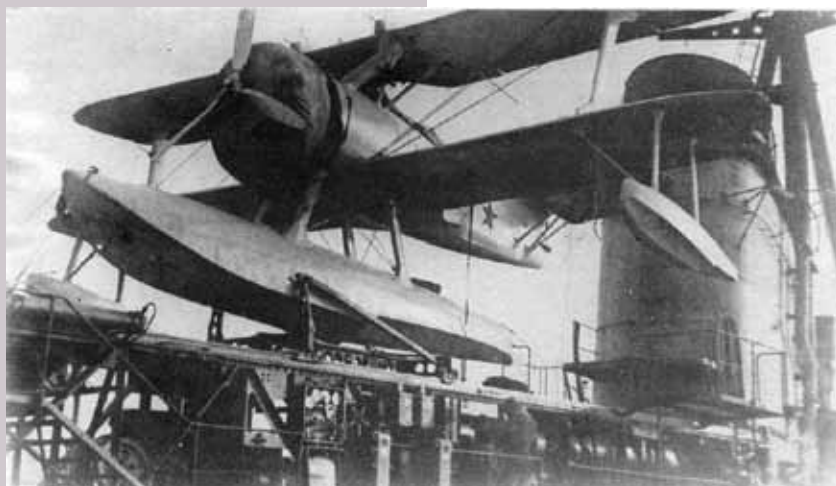
Ну, а если говорить серьезно, то на авиалинии Одесса-Батуми этот самолет доказывает свою уникальность, после аварийной посадки на воду девять суток продрейфовав в штормовых

Военные летчицы П.Д. Осипенко, В.Ф. Ломачко и М.М. Раскова. Совершенная четырехмоторная беспосадочная летающая Севастополь-Архангельск. На снимке (слева направо): старший лейтенант П.Д. Осипенко, старший лейтенант В.Ф. Ломачко и штурман лейтенант М.М. Раскова

волнах. А еще на специально подготовленном МП-1 бис устанавливаются шесть (!) женских мировых рекордов. В 1937-м летчица Полина Осипенко, которая через год станет первой женщиной-Героем Советского Союза, сначала ставит рекорд высоты полета – 8.864 метра, затем в двух полетах – рекорды высоты с грузом 500 и 1000 кг. А в следующем году вместе с Мариной Расковой и Верой Ломачко она за 10 часов 33 минуты пролетает 2.416 километров по маршруту Севастополь-Киев-Новгород-Архангельск. Новый мировой рекорд для женщин на гидросамолетах. И все это становится началом длинного списка всепланетных достижений, установленных на бериевских машинах.

А у военных МБР-2 применяются не только как ближние, но и дальние разведчики, ночные бомбардировщики и поисково-спасательные самолеты. Их специальный вариант используют для взаимодействия с торпедными катерами. В 1938 году в составе авиации Тихоокеанского флота они обеспечивали боевые действия против японцев у озера Хасан. А на Балтике проводили всю советско-финскую войну. В феврале 1941 года Бериев назначается начальником опытно-конструкторского бюро морского самолетостроения в Калининской области, с началом

КОР-1 (Бе-2) на корабельной катапульте

Гидросамолет Бе-4 (Кор-2)

Пассажирский МП-1 в Батуми

войны это ОКБ эвакуируют в Омск, через пару лет переводят в Красноярск. И знаете, сколько новых боевых машин создал конструктор за всю Великую Отечественную войну? Ни одной! И вовсе не потому, что обленился, растерял талант или тихо отсиживался в тылу.

Просто для создания в местах эвакуации новых экспериментальных баз морской авиации не было ни возможности, ни времени. Да и вроде бы ни к чему это: фронтам в первую очередь нужны колесные самолеты. Поэтому в ОКБ Бериева оставляют лишь небольшую группу

Памятник самолету Бе-6 в Китае

инженеров для перспективного проектирования. Но сначала эта группа совершенствует и запускает в серию специальный вариант КОР-2, ставшего легким бомбардировщиком для морских боев. А уже потом – работа над кораблем нового поколения ЛЛ-143 (Бе-6), на котором впервые применяется крыло с изломом типа «чайка». Этот самолет повоюет не успеет – он собран лишь в мае 1945-го, через год идет в серию, а в 1947-м его создатель получает Сталинскую премию. А воюет с первого до последнего дня войны главное детище Бериева середины 1930-х – МБР-2.

На Балтийском флоте из «амбарчиков» составляют отдельный морской разведывательный авиапункт. При обороне Севастополя их ставят на колеса и используют как легкие штурмовики, взлетающие с берега. В Элисте МБР-2 из состава Каспийской военно-морской флотилии разбомбили штаб немецкой дивизии. Летящие лодки используются для связи с партизанами, как спасательные, помогают проводке конвоев на Севере, особенно эффективно действуют во фронтовых условиях Заполярья. А на войне с Японией они участвуют в освобождении Сахалина. Побывал этот самолет и за рубежом. В Финляндии пять его трофейных экземпляров использовались как противолодочные самолеты, разведчики, и для разбрасывания агитационных листовок над позициями советских войск. А в Северную Корею «амбарчики» передаются в качестве братской

помощи. И американские советники южнокорейцев сообщают о неких «ночных кофемолках чарли». После этого военная карьера летающей лодки заканчивается.

В Таганрог ОКБ Бериева возвращается летом 1944 года, и Георгий Михайлович перестает быть гражданским человеком. Его зачисляют в состав Военно-Морского Флота и присваивают звание инженер-полковника. Это – еще одно подтверждение того, что за военные годы советское гидросамолетостроение обрело большой потенциал для новых успехов. И в первую очередь это касается летающей лодки ЛЛ-143 с крылом типа «чайка», которая серийно выпускается под названием Бе-6. Это – второй этапный для морской авиации самолет Бериева. Кстати, заводские летные испытания его проходили не только в Таганроге, но и на родине конструктора – в Поти и на озере Палиостоме. За пять лет он выпускается в 19-ти модификациях – инженеры стремятся удовлетворить все пожелания авиаторов.

Доводится Бе-6 поучаствовать и в испытаниях ядерного оружия – на архипелаге Новая Земля в 1950-х. Они ведут воздушную разведку по соседству с полигоном и берут пробы воздуха из радиоактивного облака. Никаких средств защиты экипажа в них нет... А отличная мореходность самолета не раз выручает пилотов в критических ситуациях; так, экипаж капитана Находного садится ночью в открытом море с отказавшим двигателем

и держится на плаву 14 часов. В 1961-м все морские полки с Бе-6 переименованы в противолодочные. И это дает результат. На Северном флоте неизвестная подводная лодка в течение 33-х часов пытается уйти от слежки бериевских самолетов. Но, израсходовав аккумуляторные батареи, всплывает и оказывается английской дизельной субмариной S07 «Sea Lion». Такой успех Бе-6 заставляет иностранцев изменить тактику: с тех пор разведку в Баренцевом море ведут только их атомные подлодки.

После этого легендарного самолета, выпускавшегося более двадцати лет, появляются многоцелевой Бе-8, на котором испытывают подводные крылья, и первый в мире реактивный гидросамолет Р-1. А на многолюдном авиашоу презентуется реактивный бомбардировщик и торпедоносец Бе-10 с непривычными стреловидными крыльями. На нем совершаются 12 мировых рекордов. И наконец, еще один шедевр авиастроения – Бе-12, в обиходе «чайка», уничтожающий субмарины. Он получает Государственную премию СССР, служит с 1963 по 2000-е годы, на нем установлены 49 (!) мировых рекордов. А в позапрошлом году объявлено, что «начинается модернизация самолетов-амфибий Бе-12 «Чайка»

Георгий Бериев

Проект «Нептуна»

– обновленные машины станут охотниками за атомными подлодками».

«Отвлекаясь» от гидросамолетов, Бериев создает самолет-снаряд П-10 – крылатую ракету для подводных лодок. Но из-за стремительно меняющихся требований заказчиков он выходит в небольшой серии, как и пассажирский Бе-30 (Бе-32), с успехом показанный в 1969 году на 28-м международном Салоне в Ле Бурже. В этом же году после повторного инфаркта Георгий Михайлович покидает ОКБ. Перед этим он работал над фантастическими проектами, таким, как «экраноплан», которому воздушная подушка позволяет летать над любой поверхностью. А на пенсии генерал-майор Бериев продолжает исследовательскую и аналитическую работу, состоит в различных научно-технических советах страны. Не стало его в 1979-м.

На Таганрогском авиационном научно-техническом комплексе (ТАНТК), бывшем 31-м заводе, ученики Бериева создают специальный самолет А-40, способный поражать подводные и надводные корабли в любой

точке мирового океана, в любое время суток. Он легко переоборудуется для нужд гражданской авиации, на флоте служит под именем Бе-42 «Альбатрос». А в 2010 году получает европейский сертификат для выхода на мировой рынок полностью «мирный» самолет-амфибия Бе-200 – «полярник», «эколог», «поисковик», по ряду летно-технических характеристик не имеющий аналогов в мире.

Сейчас на ТАНТК работают над сверхтяжелым транспортным самолетом-амфибией оригинальной компоновки Бе-2500 «Нептун» – самым большим в истории гидросамолетов. Он предназначен, в первую очередь, на перелеты через океаны и может пользоваться уже существующими портами, не требуя специальных инфраструктур. А еще он рассчитан на поисково-спасательные операции, разведку и добычу полезных ископаемых на шельфе и на архипелагах.

Сегодня имя Бериева носит авиационный комплекс в Таганроге, улицы в этом городе и в Тбилиси. В двух российских городах установлены его бюсты, в

Бюст Г. Бериева в подмосковном Жуковском

пяти – мемориальные доски. Его дело продолжают талантливые ученики, его самолетам стоят памятники, в том числе и в Китае. И все равно соратники (не без основания) называют его «самым неизвестным среди знаменитых авиаконструкторов».

Кутаиси

СОКРОВИЩА ЦАРЯ АЭТА

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

С мифологических времен многое изменилось: в отличие от аргонавтов, прошедших через множество испытаний, чтобы добраться до страны колхов, к услугам современных туристов, решивших повторить маршрут отважных эллинов, международный аэропорт Копитнари и скоростная автострада, соединяющая Имерети с миром. Но вот незадача – локдаун из-за пандемии. В ожидании свободы передвижения предлагаем совершить прогулку по колоритному краю.

Имерети притягивает искателей приключений. В 1984 году английский ученый Тим Северин реконструировал маршрут аргонавтов. Команда Северина

на весельной галере доплыла до Поти и поднялась вверх по реке Риони до Кутаиси, доказав, что эллины и колхи были связаны торговыми и культурными отношениями. В память об экспедиции «Новых аргонавтов» на центральной площади Кутаиси был построен в 2011 году многоярусный «Колхидский фонтан», который украшают кони царя Аэта и увеличенные копии фигурок животных, найденных при раскопках в Колхидской низменности.

Кутаиси – один из древнейших городов мира. В первой половине III в. до н.э. Аполлоний Родосский упомянул «град Китейский» в «Аргонавтике». А византийский историк Проко-

пий Кесарийский в книге «Война с готами» называет реку Риони (лат. «встреча») границей между Азией и Европой. Он пишет о Кутаиси следующее: «Из всех земель Колхиды это самая лучшая. В древности колхи построили здесь укрепление, которое по-гречески в то время называлось Котиаион, теперь же лазы называют его Кутаисом». Некогда Кутаиси был столицей Колхидского царства, а с VIII до XIII века являлся столицей Абхазского царства. В XVI-XVIII веках имеретины попали под иго османов и платили дань невольниками, деньгами и продовольствием. Край был освобожден от турецкого порабощения русскими войсками в 1770 году,

в 1810 году был присоединен к Российской империи. Главная достопримечательность города – собор царя Баграта. Строительство этого уникального образца грузинского зодчества завершилась в 1003 г. Он простоял невредимым до 1692 года, когда был взорван и сожжен турками. Полная реставрация храма была завершена в 2012 году, и древний символ города восстал из руин в своем первоизданном величии.

Со второй половины XIX века Кутаиси соперничал с Тбилиси. Город славился культурными традициями, музыкальными и литературными салонами. В прошлом веке он стал важным индустриальным центром страны. А в 2008-2012 годах сюда перевели парламент и министерства, но в Кутаиси офис не прижился. Высокие чины вернулись в Тбилиси, и город зажил своей собственной неторопливой жизнью. В старой части города на тенистых улицах стоят увитые лозой особняки, в жаркую погоду молодежь плещется в Риони, ныряя в воду с огромных камней около Белого моста, заснятого во всех фильмах о городе. Окраины утопают в фруктовых садах, а свадьбы и дружеские торжества по традиции устраивают у стен старинных храмов и крепостей, а то и вблизи легендарных пещерных комплексов. В Сатаплиа я наблюдала, как разряженные щеголихи на высоких каблуках взбирались по лесной просеке – в заповеднике, где в юрский период разгуливали динозавры, справляли свадьбу, и только для новобрачных сделали исключение, пропустив в реликтовый лес украшенный гирляндами автомобиль.

О, ПИПИНИЯ!

На территории Имерети более 300 исторических памятников. Но главное богатство края – люди с легким характером, ненавязчивым юмором, открытые и гостеприимные. Многие поступки и реплики имеретин естественно вписались бы в канву фильмов «Не горюй!» Георгия Данелия и «Необыкновенная выставка» Эльдара Шенгелая. Автором сценария обеих картин был Резо Габри-

Памятник Маяковского в сквере у Первой гимназии Кутаиси

адзе. Так что для понимания имеретинского характера необходимо упомянуть еще одну ленту – «Знаешь, мама, где я был?», полнометражный мультфильм, снятый недавно Леваном Габриадзе по мотивам детских воспоминаний, фантазий и рисунков его знаменитого отца. Каким бы ни был имеретин, он всегда чуточку утрирован в проявлении эмоций, как благородный Пипиниа Эристави, из «Необыкновенной выставки» и трагичен, как Леван Цинцадзе из фильма «Не горюй!».

Имерети дала Грузии множество писателей, поэтов, художников, режиссеров и актеров. Дома-музеи великих творцов открыты на родине Акакия Церетели в селе Схвители, Владимира Маяковского – в Багдати, Галактиона Табидзе – в Чквиши.

Виды имеретинских деревень будто сошли с полотен Давида Какабадзе, а местные

жители напоминают персонажи произведений Акакия Церетели и Давида Квдиашвили, произведения которого называют энциклопедией имеретинской жизни. Его повести «Мачеха Саманишвили», «Невзгоды семьи Камушадзе», пьесы «Счастье Ирины», «Невзгоды Дариспана» не теряют актуальности и не выходят из репертуаров ведущих театров страны. Примечательно, что в 1977 году по повести Квдиашвили на студии «Грузия-фильм» был снят художественный фильм «Мачеха Саманишвили», а в Кутаисском театре оперы и балета имени М.Баланчивадзе была поставлена опера «Невзгоды Дариспана».

Меценатство в крови у имеретин. Самый яркий пример – деятельность самого богатого грузина Бидзины Иванишвили, который первым делом позаботился о своих односельчанах,

Памятник фотографу на одной из улиц Кутаиси

жителей Чорвила. Знаменитый общественный деятель Нико Николадзе (1843-1928) оставил Петербург и построил дом в селе Диди Джихаиши, где открыл школу и единственную во всей Российской империи сельскую женскую гимназию, в которой девушек обучали ковроткачеству, шелководству и другим полезным навыкам.

СТОЛПЫ ВЕРЫ

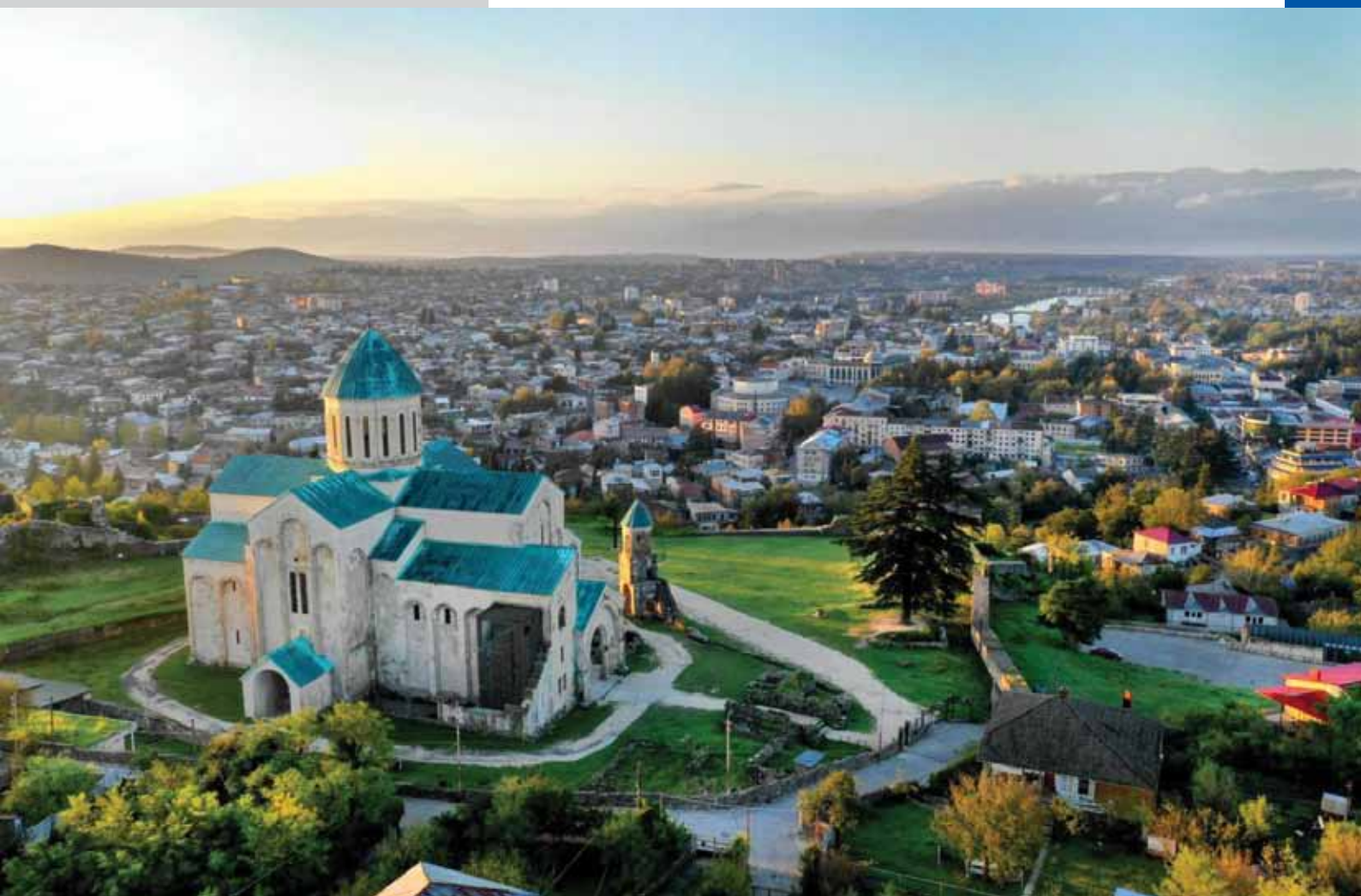
Символично, что великий грузинский царь Давид Агмашенебели повелел похоронить себя под аркой ворот монастыря Гелати, который он основал в 1006 году в память о присоединении Кахетинского царства и победы над сельджуками в битве при Эрцухи. Дорога к храму петляет по зеленому серпантину, приближение Гелати ждешь, как чуда. И вот, наконец, старинные ворота под сводчатой аркой,ходишь и с трепетом понимаешь, что руками можешь коснуться истории, а открывшаяся панорама на Кутаиси и укутанные в дымку Рача-Лечхумские горы приобщают к вечности. Гелати является символом грузинского Ренессанса. При мо-

настыре действовала духовная академия, где создавались уникальные рукописные книги,украшенные цветными миниатюрами. Здесь писали труды философы, черпали вдохновение поэты, здесь хранились чудодейственные иконы, а стены собора были расписаны фресками. В золотую эпоху средневековой Грузии богатейшему монастырю Гелати была предоставлена полная автономия, настоятель монастыря подчинялся только монарху. Позже Гелати утратил свои привилегии, а во время нашествий врагов монастырь неоднократно разоряли. Величественный монастырский комплекс ныне восстановлен, в 1994 он включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Ничего удивительного, что проблемы, возникшие в ходе реставрации храма Гелати в прошлом году, стали одной из самых обсуждаемых тем в грузинских СМИ.

В шести километрах от Гелати на берегу речки Цхалцитела (Красная вода) находится монастырь Моцамета, построенный в память о принявших мученическую смерть князьях Давиде

и Константине Мхеидзе, Аргветских эриставах (военачальниках) во время нашествия арабских захватчиков в VIII веке. Мощи святых покоятся в одной гробнице, подножием которой служат деревянные львы. В храме монастырского комплекса Убиси сохранились уникальные образцы росписи XIV века. Монастырь Мгвимеви, в окрестностях Чиатура, построен под сводами естественной пещеры. Церковь, двухъярусная колокольня, часовня, частично высеченные из скалы, украшены традиционными орнаментами, характерными для архитектуры второй половины XIII века. Попасть к церкви можно по длинному подземному тоннелю. К югу от Зестафони находится монастырь Табакини, основанный в VII-VIII веках, на что указывает сохранившаяся древняя базилика.

Но больше всего воображение поражают две крохотные церкви, примостившиеся на вершине известнякового монолита высотой 40 м в окрестностях Чиатура. Первая часовня была выдолблена в скале, а для второй, построенной не позднее VI века, камни добывали у подножья столпа. До прихода христианства столп Кацхи почитался как символ бога плодородия. Издревле люди верили, что это святое место приближает человека к высшим силам. После долгих лет забвения, в середине прошлого века первыми поднялись на культовый столп альпинисты. Они установили подвесную лестницу, по которой стали подниматься к алтарю паломники. Возрождение Кацхи началось с того, что в 1993 году монах Максим прожил всю зиму в полуразрушенной часовне. В последующие годы началась реставрация, новая церковь названа в честь монаха-отшельника Максима. Подняться к храму можно только по небольшой винтовой лестнице. Но чтобы попасть наверх, надо получить разрешение настоятеля. Женщинам вход в «Крепость одиночества», как именуют местные жители крохотный монастырь, категорически запрещен. Главной исторической реликвией самой необычной церкви Име-

Храм Баграта

рети является уцелевший алтарный крест XII века.

ТАКАЯ ВОТ ПРОВИНЦИЯ

Каждый город Имерети чем-нибудь да знаменит. Шахтерский Чиатура раскинулся среди гор, соединенных канатными дорогами, панорама города не уступает альпийским курортам.

В советское время курорт Цхалтубо был застроен помпезными зданиями санаториев. До райцентра курсировал прямой железнодорожный экспресс из Москвы. Известный химик и гидролог С. Щукарев, исследовавший воду Цхалтубо, писал, что она не имеет аналогов во всем мире, однако статус все-союзной здравницы Цхалтубо получил после того, как Сталину, страдавшему ревматизмом, помогли местные радоновые ванны. Воды Цхалтубо используют для лечения костей и суставов, для ускорения периода восстановления после тяжелых травм,

переломов и операций. Сюда приезжают пациенты с остеохондрозом, артрозом, артритом, остеомиелитом и пр. Источники Цхалтубо благотворно влияют на людей, страдающих болезнями органов дыхания – бронхит, астма, хроническая пневмония – в данном случае ее используют для ингаляций и спелеотерапии. Недавно здесь были построены современные СПА-комплексы.

Еще один курорт в регионе – Саирме, расположенный на высоте 950 м над уровнем моря, городок славится своей красотой, целебным воздухом и минеральной водой, которая применяется при лечении заболеваний почек, желудка, кишечника, печени, при нарушении обмена веществ. В Саирме построен СПА-центр и созданы условия для принятия термальных ванн.

В 1947 году прошлого века в окрестностях городка Вани

были расчищены остатки античного городища (V-I в.в. до н.э.) с крепостными стенами, домами, улицами, богатыми гробницами. До начала археологических раскопок многие годы местные жители часто находили богатые клады с монетами и золотыми украшениями. Еще полтора века назад одна из грузинских газет сообщала читателям, что «после каждого дождя, ливневый поток приносит к дому Ахвледиани, стоящего у подножья горы, то золотую цепочку, то золотые кольца, то разные предметы». История древнего города с коллекциями украшений, нумизматики, керамики, оружия представлена в музее Вани, основанном в 1985 году руководителем археологической экспедиции, академиком Отаром Лордкипанидзе. В старом Тбилиси принято фотографироваться в обнимку со скульптурой «тамады» – симпатичным архаичным человечком

Гелати

с рогом в руке. Напомним, что этот памятник – увеличенная фигурка статуэтки, найденной при раскопках в Вани.

ПЕЩЕРЫ И ЗВЕРОЯЩЕРЫ

В Цхалтубском районе находится знаменитый Сатаплийский заповедник, площадью 348 гектаров. В роще реликтовых деревьев или, как ее еще называют Колхидским лесом, растут древние тисы, падубы, растут древние тисы, падубы, самшиты, каштаны, кусты рододендрона. Своими могучими кронами деревья образуют густой зеленый шатер, не пропускающий лучи солнца, потому в лесу почти нет трав. В чаще обитают до полусотни видов птиц и мелкие звери – барсуки, лисы, зайцы, шакалы. В заповеднике находится лабиринт карстовых пещер, а также сохранились окаменевшие следы динозавров, обитавших в этих местах в мезозойскую эру, 160 миллионов лет назад, поэтому Сатаплиа называют также имеретинским парком юрского периода. В переводе с грузинско-

го «Сатаплиа» означает «Место, где есть мед». У подножия Медовой горы обнаружена стоянка первобытных людей эпохи каменного века. В 30-х годах прошлого века местный краевед Петрэ Чабукиани, последовав за ручейком, бежавшим между скал, оказался в подземном лабиринте. В настоящее время в исследованной части карстовых пещер установлена подсветка и акустическая система. Центральным местом туристической части лабиринта является огромный сталагмит «Каменное сердце», около которого принято загадывать желания. Соседний зал оборудован для больных, страдающих бронхиальной астмой. Постоянная температура в пещерах в 14 градусов тепла и пещерный воздух обладают целебными свойствами. На самой высокой точке заповедника Сатаплиа расположена смотровая площадка, вынесенная над скалой в виде подковы с прозрачным полом, позволяющим почувствовать себя буквально парящим над бездной, над ре-

ликовым лесом, над скульптурами динозавров, «пасущихся» среди хвощей.

Пещера Кумистави – самая крупная в Грузии. Для посещения открыта лишь ее десятая часть. Свое звучное туристическое название «Пещера Прометея» она получила благодаря мифу о кавказском Прометее – Амირани, который прогневал богов, подарив людям огонь, за что был прикован к скале в подземелье. «Пещера Прометея» оснащена современной системой разноцветного подземного освещения на основе жидкокристаллических ламп, в величественных залах звучит классическая музыка. Осмотреть гроты и залы можно по пешему маршруту, или покатавшись на лодке по подземной реке и озеру.

ПИРЫ В ТЕНИ СТАРОГО ОРЕХА

Имерети прекрасна в любое время года. Глубокой осенью, когда в садах опадает листва, на голых ветках пламенеют оран-

жево-рыжие спелые корольки, их соберут ближе к Рождеству. А в глиняных кувшинах – квери, зарытых в землю, к тому времени созреет молодое вино. Зимой деревни засыплет снегом, а весной у порогов расцветут фиалки, нарциссы и гиацинты. Сама природа приглашает на пир души и, скажем прямо, кревоугодия. Застолье, приготовление еды носит здесь культовый характер. Про кутаисцев шутят, что даже в театре они первым делом заказывают в буфете хинкали, а во время представления буфетчик заглядывает в зал и шепотом сообщает: «Седьмой ряд, на выход!». Во всех регионах Грузии прекрасно готовят, но Кутаиси считается кулинарной столицей страны, а имеретинскую кухню называют наиболее выразительной, деликатной и гармоничной. Большинство блюд готовятся на глиняных сковородах кеци. Вместо хлеба часто подают лепешки из кукурузной муки – мчади. Популярные закуски «пхали» готовят из всего, что растет на огороде – из зеленых стручков лобио, бобов, баклажанов, шпината, ботвы свеклы, листьев капусты, крапивы, праси (лука порея). Для праздничного стола пхали заправляют грецкими орехами с чесноком, уксусом, сунели. К жареной курице и индейке, к мясным и рыбным блюдам (в горных реках водится форель) полагаются ароматные соусы из помидоров, ткемали, орехов, граната, винограда и ежевики. Лобио в горшочках одно из популярных блюд в Имерети, а хинкали готовят не только с мясной начинкой, но и с сыром и грибами. Харчо по-имеретински – это не суп, а тушеное мясо в соусе из грецких орехов со специями, это острое горячее блюдо подают с гоми (мамалыгой) и, конечно, запивают домашним вином. Имеретинские домашние вина чуть кислее, менее терпкие и крепкие, чем кахетинские. Но вкус «Цицка Цоликаури» и «Крахуна» из растущего исключительно в Имерети белого винограда, «Оцханури сапере» и «Аладастури» из древнего грузинского сорта черного винограда легки и приятны на вкус.

В Европе считается, что ир-

Памятник на Белом мосту

ландцы способны превратить даже поминки в веселое застолье. Вот было бы интересно посмотреть, кто кого заткнет за пояс в этом умении, ирландцы или имеретины? Нет, не подумайте ничего дурного – в Западной Грузии придерживаются патриархальных традиций, неуклонно соблюдают траур. Однако гостеприимные имеретины не могут допустить, чтобы прибывшие выразить соболезнования люди горевали на пустой желудок. Вновь прибывших сразу ведут к накрытым под деревьями столам, уставленным исключительно постными блюдами, различными соленьями, и поднимают стаканы за упокой души умершего, его предков, родителей. Довольно часто можно наблюдать, как похоронная процессия движется на деревенское кладбище не совсем по прямой, а несколько зигзагообразно. Даже в горе надо уметь оставаться гедонистами и философски относиться к утратам, считают местные жители.

После каждой поездки в Имерети замечаешь, что любимые джинсы стали тесноваты. Попробуйте увернуться от тостов, которые произносят горняки Чиатура или музыканты в Кутаиси. Не насладиться в гостях у двоюродной тетушки ее божественными хачапури, или цыпленком, приправленном зе-

леной аджикой, в доме, окруженном кукурузными зарослями. Если вы гостите в Хони – калории сбросить не проблема. Совершите марш бросок в каньон Окаце, которому недавно присвоили статус Национального парка. Окаце – это пролом в горах длиной 16 километров, глубиной 50 метров, вблизи находятся несколько водопадов. В каньоне установлена всяческая консольная тропинка и смотровая площадка над обрывом высотой с 45-этажный небоскреб. Как человек честный, предупреждаю, калории сбросите, но и аппетит нагуляете. Оставьте борьбу с лишними килограммами до возвращения дома, а пока наслаждайтесь жизнью.

Знакомясь с уникальной природой Имерети, перестаешь сомневаться в правдивости мифа о золотом руне: в горных речках до сих пор намыывают драгоценный песок, опустив в воду баранью шкуру. А золотые украшения обитателей древнего городища Вани, солнечная охра стен Гелати, прозрачность янтарных вин на дружеском застолье сольются в одно драгоценное панно легендарной страны волхов. И сам собой отпадет вопрос, почему Маяковский считал себя в вечном долгу перед родными багдатскими небесами.

Храм Александра Невского в Тбилиси

ДЕНЬ СВЯЩЕННИКА

■ Архимандрит АНТОНИЙ (ГУЛИАШВИЛИ)

Отец Антоний (в миру Александр Гулиашвили) родился в 1939 году в Тбилиси. Мама русская, из Краснодара, отец – из Тбилиси. Учился в средней школе Тбилиси. После школы работал переплетчиком в издательстве «Заря Востока», техническим работником в театре им. А.С. Грибоедова. С шести лет «бегал» в храм, его школьным приятелем был внук протоиерея Бориса Фарафанова, клирика храма святого Михаила Тверского. Окончил Мцхетскую семинарию.

В 1965 году рукоположен в диакона Патриархом Ефремом II в храме преподобного Давида Гареджийского в Тбилиси и назначен в храм святителя Николая в Батуми. 26 октября того же года рукоположен во иерея в Поти Патриархом Ефремом II в храме Иверской иконы Божией Матери. Дяконство и священство проводил в Батуми в храме святителя Николая под началом епископа Или (Шиолашвили, ныне – Католикос-Патриарх всея Грузии). В 1966 году, во время паломничества в Почаевскую лавру, на автостанции случился инцидент с руководителем атеистической группы Максимюком, который плюнул на рясу отца Антония. Батюшка защитил честь рясы (ударил в ответ) и был осужден на год. После заключения служил с 1967 по 1968 год в Преображенском храме в Телави, а с 1968 по 1971 год – в храме святой Нины в Тбилиси. В разное время являлся настоятелем Петропавловской церкви в Тбилиси, кафедрального собора в честь Успения Божией Матери в с. Манглиси, «нижней» церкви святой Варвары в Тбилиси. Также служил в с. Цалка в храме святителя Спиридона Тримифунтского и в храме святого Михаила Тверского в Тбилиси. Был награжден правом ношения двух крестов, орденом св. равноап. князя Владимира 3-й степени от Русской Православной Церкви.

Скончался архимандрит Антоний (Гулиашвили) в ночь с 6 на 7 февраля 2021 года на 82-м году жизни

СЛУЖЕНИЕ

Святейший Патриарх назначил меня в город Телави, столицу Кахети, в кафедральный собор. Оттуда меня перевели в Тбилиси, в храм Святой равноапостольной Нины. Я у Патриарха даже спросил: «Почему вы меня назначаете временно и так скоро переводите?» Он ответил: «Постоянной бывает одна смерть, мы же все на этом свете временные». Затем заболел отец Савва, настоятель церкви святой Варвары, а в это время приближался престольный храмовый праздник. И Патриарх сказал: «Будешь служить там, пока батюшка не выздоровеет». Отец Савва почил, меня назначили настоятелем.

В 1973 году я оказался в селении Манглиси. Это курортное место в горах. Там много хвой, ели. Туда вывозили (и по сей день вывозят) детей со слабыми легкими. Летом Манглиси заполняли отдыхающие: хозяйка сдавала дачникам все помещения вплоть до курятников. Зимой же село пустело, оставалось одно местное население. В годы моей службы в церкви, в селе жили преимущественно русские – потомки царского гренадерского полка Его Императорского Величества, стоявшего некогда в Ереване, а после расквартированного на территории Грузии, в Манглиси и в Тетри Цкаро (Белом ключе).

Манглиси было разделено на две части – нижнее и верхнее. В Верхнем Манглиси поселился офицерский состав. И вот в один прекрасный день солдаты пошли на заготовку дров и набрали на храм, заброшенный и полуразваленный – туда в ненастную погоду загоняли скотину. Представьте, в каком состоянии был пол, да и весь храм! Эта древняя церковь была построена еще в четвертом веке, при участии святого императора Константина Великого и его матери, святой императрицы Елены, приславшей туда святой гвоздь (его увезли после подписания Георгиевского трактата в 1783 году в Россию), и освящена в честь Воздвижения Честного Креста. Постепенно храм пришел в запустение, порос лесом: когда воины расквартированного полка его обнаружили,

Незадолго до диаконской хиротонии

деревья росли прямо на крыше. При помощи русских солдат храм восстановили и освятили в честь Успения Божией Матери.

Вот в этот храм меня назначили настоятелем. В советское время священник туда приезжал из Тбилиси, отслужит и уезжает, присмотра за храмом не было. Поэтому когда мы переехали в Манглиси, там абсолютно ничего не было. Холод зимой до девятнадцати градусов доходило в горах. Матушке, приехавшей со мной, приходилось спать в хлеву. Люди раздеваются на ночь, а она одевалась, по ней бегали крысы, и она все терпела, бедненькая! Это уж после нас ее на руках носили – так любили!

Я сейчас немного отклонюсь от повествования, матушка Аскитрия, в миру Анна, прежде служила у меня псаломщицей в церкви св. Варвары в Тбилиси. Она была очень мне предана, и когда меня назначили в Манглиси, я предложил ей: «Анна, поедешь со мной?» Она не раздумывая согласилась. А после стала сомневаться: ей не на кого было оставить больную сестру. И тогда она решила пойти и спросить Глинского старца отца Андроника (Лукаша) – он

жил во дворе храма Александра Невского, как он благословит. Она пришла к владыке Зиновию (Мажуге), спросила его благословения на разговор со старцем. Получив благословение, постучалась, прочла молитву, заходит в келью. А он ей прямо с порога: «Езжай, езжай, и до самой смерти будешь с отцом Антонием!» Она далее ничего не успела спросить у него. Из этого я сделал вывод, что отец Андроник был прозорливым человеком. Она действительно до самой своей смерти была у меня келейницей. Он укрепил ее своим благословением и меня поддержал, зная, как мне будет там трудно. Анну со временем я постриг в монашество с именем Аскитрия, а ее сестру в инокини. Матушку Аскитрию я похоронил, уже когда Патриарх Илия перевел меня в Тбилиси.

Так вот, когда мы с ней поселились в Манглиси и начали все потихоньку восстанавливать, местные бабушки (это уже внуки и правнуки тех гренадеров, глубоко верующие, очень-очень наивные и чистые люди), спрашивали: «Отец Александр (меня тогда еще звали Александром), как вы здесь сможете жить?»

Летом есть приезжие, но зимой остается местное население и от безделья люди все время пьют (самогон из груш или свеклы собственного приготовления).

Я прослужил там семь лет. И много происходило на моих

глазах интересных случаев. Но особенно мне запомнился один. Как-то приходит ко мне бабушка, благочестивая, и говорит: «Что мне делать? Мой хозяин решил со мной развестись (в тех краях мужа называли «хозяином»)). Спрашиваю: «А сколько вам лет?» – «Семьдесят». «А ему?» – «Семьдесят пять». – «И что же с вами случилось?» – «Да вот не знаю, но ругаемся все время». Я задумался, как же их помирить? – «Приходите», – говорю, – «завтра (а ей нужно было пять километров от своего дома до нашего храма идти), отслужим молебен, попросим Господа, чтобы Господь все уладил». А она такая послушная, благочестивая была (да и он хороший человек, но пил, как и большая часть населения Манглиси), пришла на другой день. Мы отслужили молебен с водосвятием. И мне в голову пришла такая мысль. Я ей говорю: «Как только вы заметите, что он пьяный возвращается домой, наберите святую воду и держите ее во рту, не глотайте!» Представьте себе: пять раз мы служили молебен, и пять раз она снова возвращалась за водой: такая у нее настоящая христианская вера была!

Прошло около полугода. Я находился у себя в келье.

Вдруг матушка Аскитрия зовет: «Батюшка, смотрите, вместе идут – старушка со своим мужем!» – «Ну, матушка, ставь самовар!» Они зашли, поздоро-

Могилки глинских старцев во дворе храма Александра Невского

Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх Илия II. Фото Ю. Роста

вались, сидим, беседуем эдак аккуратненько. Матушка подает нам чай. Я говорю: «Как хорошо, что вы вместе ко мне пришли, приятно смотреть – будто два голубка! Так что же случилось, что вы снова так дружно стали жить?» А он мне: «Батюшка, я сам не знаю, что случилось! Иду, как всегда, пьяный и думаю, что ждет меня дома концерт, захожу, начинаю ругаться, а жена молчит. Я ругаюсь, а она молчит. Сегодня молчит, завтра молчит, ну думаю – так что я, дурак, ругаюсь? И перестал». Она держала во рту воду, которую я благословил глотать только тогда, когда муж замолчит, и терпела. Вот что дает человеку вера и простота души!

В Манглиси сохранялись русские православные традиции. Богослужение в Манглисском храме проходило на церковнославянском языке. До революции там служил священник по фамилии Читадзе, из княжеского рода, добрый пастырь, матушка у него была очень благочестивая, но при советской власти батюшку забрали в Тбилиси и расстреляли. Старожилы еще помнили его, а я старался продолжать бывшие при нем

традиции. В Рождественский сочельник батюшка ходил после всенощной по домам с пением колядок и прославлением Христа. Был такой Володя, он служил конюхом в колхозе, его мама пела у нас в хоре. Жили они недалеко, их дом был первый от церкви, куда мы заходили на Рождество с колядками. И вот в первый раз после моего назначения заходим к ним – Ванюшка с колокольчиком, ма-

Успенский храм в Манглиси

тушка Аскитрия с рождественской звездой – и поем колядки. Володя, взрослый мужчина, здоровенный такой, стоял и плакал.

– «Володя, почему вы плачете?» – спрашиваю. «Я вспомнил, – говорит, – как Читадзе ходил по домам в моем детстве».

На Крещение, и мы тоже это возродили, все шли к проруби. Там река протекала высокогорная, Алгетка. В первый год я испугался. А на второй год мы освятили воду во дворе храма, как положено, а после с моим послушником, матушкой Аскитрией (тогда еще Анной) и певчими отправились на Алгетку и там отслужили молебен с водосвятием. На следующий год (у наших бабушек длинные язычки) вся паства осталась в церкви после службы. Спрашиваю: «Так что ж вы не расходитесь по домам?» – «А мы с вами на Алгетку пойдём!» И так каждое Крещение мы стали спускаться на Алгетку. Как-то у моего послушника Ванюшки (он приезжал из Тбилиси помогать мне на праздники), вечером подскочила температура, тридцать девять. Я говорю ему: «Ванюшка, завтра не пойдешь на Алгетку!» – «Как не пойду? Пойду!» А мы так делали: я, Ванюшка и матушка Аскитрия разувались и входили в ледяную воду, а людям не давали (речка быстротечная, горная). После того как я опускал крест, все обливались – кто ведрами, кто кружками. И вот Ванюшка меня

не послушался, вошел в воду. Вернулись домой: у него 36,6 – вот чудо!

На Пасху три дня подряд мы ходили по всему селу и еще два километра шли в другое село; поздравляли прихожан, пели «Христос Воскресе». Входили в дом, пели «Христос Воскресе», радовались. А люди угощали нас яичками, куличами, всякой снедью: Ванюшка бегал по три-четыре раза туда и обратно, менял корзины. И вот второй день праздника. Мы идем к автостанции в нижнем Манглиси и по пути встречаем председателя сельсовета, грузина. – «Я на вас обижен!» – «Чем же я успел перед вами провиниться?» – «Вы по Манглиси ходили, а к нам не зашли». Я говорю: «Вы простите меня, но мы ходили по домам наших верующих прихожан, и я даже не подумал зайти к вам». – «А мы тоже христиане!» И после этого мы ходили уже по всем домам подряд в пасхальные дни. Удивительное время: люди были членами партии и одновременно соблюдали православные традиции.

После церкви Святой Варвары я настоятельствовал в храме Святого Михаила Тверского, где сменил отца Павлина (ныне здравствующего схиархимандрита Гурия). В храме Святого Михаила Тверского еще пели на клиросе певчие, которые застали строительство Церкви, стремительное и очень трудное. Была там одна Нюра, молочница (она жила недалеко, в поселке Семеновка), принимала участие в строительстве и рассказывала, как они на руках носили кирпичи от Академии художеств на гору. Великолепный храм был выстроен за год ценой невероятных физических усилий.

Недоставало внутреннего дворика. Поэтому, став настоятелем, я, несмотря на то что многие сомневались в моей затее, пригнал бульдозер, расчистил территорию и выложил ее булыжником. Так у нас появился прекрасный двор. Тогда же мы поменяли старую кровлю 1913 года, с печатями, изображающими двуглавых орлов, и усовершенствовали лестницу. В разгар ремонта в гостинице «Иверия», из которой видне-

лась наша русская церковь, остановился первый секретарь ЦК Компартии Украины. Храм стоял в лесах. Звонит уполномоченный: «Снять леса! Срочно! Гостям неприятно смотреть на леса!» Я попытался возразить ему: «Не уберу! Мы по копейкам собирали средства на этот ремонт». Уполномоченный сам приехал ко мне в проливной дождь: «Снимайте леса, хотя бы с той части, которая смотрит на гостиницу!». Пришлось послушаться – иначе меня могли бы арестовать или вовсе уничтожить. Но знаете, какая была радость, когда ремонт завершился!

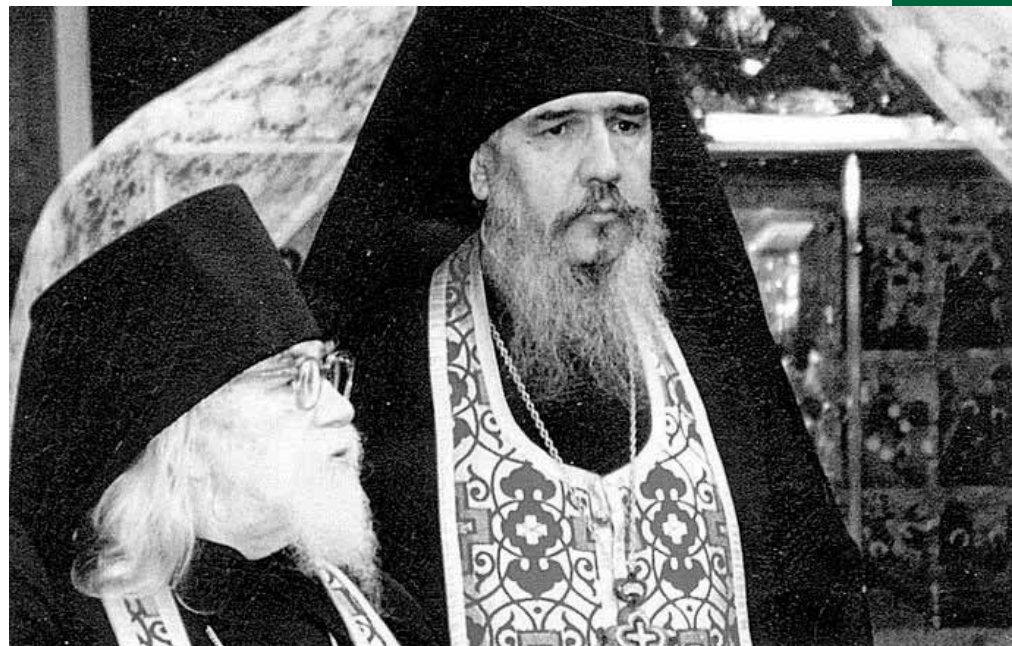
До храма нужно было подниматься по ста пятидесяти ступеням с Московской улицы, без опор и без перил. Мы отремонтировали ступени, установили поручни, а на площадках поставили скамеечки для отдыха. Возле храма высадили тридцать три кипариса – по числу лет Спасителя. Во время крестного хода я возле каждого кипариса ставил дежурить бабушку-прихожанку, чтобы маленькие деревца никто не поломал, и сейчас они выросли уже по пять-шесть метров в высоту. Матушка Аскитрия ножницами постригала ровненько траву на газонах. Со всего города приезжали люди любоваться на наш оазис! К визиту Святейшего Патриарха Илии в наш храм в день престольного праздника Свято-

го Михаила Тверского 5 декабря 1977 года мы «выстелили» дорожку из бетона, и наш художник Толя Рябошенко (он написал огромное полотно «Успение Божией Матери» на стене за свечным ящиком и расписал трапезную) разрисовал ее под ковер узорами. И этим очень порадовал Святейшего.

Однажды в узком кругу близких мне людей я поделился своими планами: сделать так, чтобы наши бабушки не уходили домой в субботу вечером, а оставались до воскресной литургии (из-за возраста им было тяжело подниматься в гору). Сказано – сделано!

Нашли женщину, Любу, которая взяла на себя организацию трапез для прихожан. Я строго наказал ей, чтобы на столе священников не было ничего такого, чего нет у прихожан. Как-то Люба решила угостить единственной селедкой настоятеля и поставила ее на священнический стол. Я даже не притронулся, а после спросил: «А вы не подумали, что кто-то из бабушек сейчас скажет: «Видишь, батюшки селедку едят, а мы – кашу»?!» На все праздники люди приносили для освящения вино, кур и прочее. По окончании службы все, что не забрали домой, переносили в трапезную и распределяли поровну: старосте, регенту, сторожу... Мы жили одной семьей. Прихожане приходили ко мне с любой нуж-

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) с архимандритом Антонием (Гулиашвили)

Патриарх Каллистрат

дой. Надеюсь, они чувствовали мою отцовскую заботу. Наученный Патриархом Ефремом, владыкой Зиновием (Мажугой), отцом Иоанном (Крестьянкиным), я проявлял ее, как умел. Разве мог я забыть их благодатные уроки?!

ПАТРИАРХ КАЛЛИСТРАТ

Патриарха Каллистрата (Святейший Каллистрат (12 апреля 1866 - 3 февраля 1952), Католикос-Патриарх Всея Грузии с 1932 по 1952 г.) невозможно было не любить. Мне было тринадцать лет, когда он умер. Святейший был очень милостивым. Помню, как-то в алтаре батюшка поругал детей, а Патриарх Каллистрат позвал их к себе и сказал: «У нас в деревне так учили: если медведь на тебя зарычит, то ласково назови его дедушкой, и все будет хорошо. Если ты схватишь палку, медведь и палку сломает, и тебя покусает». Вот такое простое, но чрезвычайно мудрое наставление: если старший человек делает тебе замечание, промолчи, признай свою ошибку, а если начнешь огрызаться, сама жизнь тебя накажет.

В период войны, когда всем было трудно, в том числе и Церкви, Патриарху Каллистрату прислуживала его племянница Анфиса, она же пела в храме. Вместе с ней пела ее знакомая по имени Евфросиния, которая имела в городе булочную. Анфиса попросила ее помочь мукой для Святейшего. И, конечно, Евфросиния привезла Патриарху мешок муки. Этой радостью Анфиса поделилась со своим дядей. Когда Святейший узнал, что ему привезли целый мешок, он рассердился: «Как вам не совестно?! Люди голодают, а Патриарх запасается мешком муки?!» Вот таким был Патриарх Каллистрат.

Еще один случай. После войны в собор пришел инспектор и сказал: «У вас задолженность за свет». Настоятель послал его в домик Святейшего. Патриарх выслушал инспектора и велел приходить через несколько дней. В условленный день тот вернулся с бумагой: «Дедушка, вот бумага, чтобы вас освободили от уплаты, распишитесь». Святейший вывел: «КПК». Тот воскликнул: «Что это такое? А где же фамилия?» – «А это и

моя фамилия, и мое имя: Католикос-Патриарх Каллистрат». И добавил: «Сынок, послушай меня. Человек живет ради своего имени. Постарайся в жизни не замарать свое имя». Вот такие наставления он давал: краткие и по самому существу.

В то время священников катастрофически не хватало. И когда Сталин разрешил открывать храмы, монастыри и семинарии, Святейший Каллистрат в кратчайшие сроки нашел людей, которые до революции окончили духовные училища: один работал на мебельной фабрике, другой – милиционером, третий почту возил, – и рукоположил их.

Он, как и Патриарх Ефрем II, имел добрые отношения с Патриархом Алексием I (Симанским). Каждый год Патриарх Алексей I приезжал в Тбилиси. Всегда по дороге из аэропорта в резиденцию он заходил в собор, ставил свечу у иконы Божией Матери, поклонялся кресту равноапостольной Нины. Вот случай, который произошел в алтаре кафедрального собора. Был будний день, тогда немного при-

хожан ходили в церковь. Служба шла без пономаря, пели: «Во Царствии Твоем». Малый вход. Вдруг Патриарх Алексий видит, как Патриарх Каллистрат с пономарской свечой идет перед Евангелием. «Ваше Святейшество! Что вы делаете?» – удивленно спросил он у Святейшего Каллистрата. И Патриарх Каллистрат спокойно ему отвечает: «Ваше Святейшество! Неужели вам жаль, чтобы я две минуты побыл Иоанном Крестителем?» Вот смирение, которого нам не хватает! И таких случаев из жизни Патриарха Каллистрата можно привести множество.

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Меня часто спрашивают: «Как вы считаете, когда было лучше: тогда, когда вы были молодым священником или теперь?» И я всегда отвечаю: «Тогда». Потому что тогда мне говорили: «Я тебя ненавижу, я тебя уничтожу». И я надеялся на Бога. А сейчас мне говорят: «Да что вы! Мы вас не трогаем. Пожалуйста! Свобода! Делайте что хотите».

Около двадцати лет тому назад у меня в Москве была встреча с одним человеком (моим родственником, жившим на Кутузовском проспекте в ведомственном доме). И вот как-то мы засиделись с ним в его библиотеке за беседой. Он, старый работник КГБ, мне признался: «Вы знаете, отец Антоний, мы совершили большую ошибку». У меня такое оживление на лице появилось, думаю: наверное, раскаивается человек. «Нет, напрасно вы думаете, что мы раскаиваемся. Мы уничтожили ваших священнослужителей, которых вы сейчас канонизируете. Мы хотели искоренить все это, а сейчас вы поднимаете дело Бутовского полигона и другие, вот в этом мы раскаиваемся. Но впредь мы будем умнее. Мы создадим такие условия, что вы сами перегрызете друг другу глотку».

Перед рукоположением меня вызвал уполномоченный и сулил золотые горы, что я, дескать, поеду за границу, получу компьютер, телевизор. Тогда, в 1965 году, об этом только в сказках читали. Когда я отказался, он вынес вердикт: «Ну, тогда

будешь грязь месить в деревне и пить холодный чай без сахара». А я верил Святейшему Ефрему, который всегда говорил: «Сынок, никогда священник голодным не останется. Службу отслужил, просфоры служебные остались, вот и не помрешь ты с голоду». На таких представлениях я был воспитан.

Меня очень огорчает, когда сегодня некоторых священнослужителей поражает грех сребролюбия. Дедушка мой имел три магазина в царское время и был весьма зажиточным. Его любимым присловьем, по воспоминаниям отца, было: «Пока ты кушаешь деньги, ты хороший человек. Как только деньги начинают кушать тебя, ты отребье». Достаток, слава, награды не должны дурманить. Любую похвалу будем воспринимать крайне осторожно. Батюшка Иоанн наставлял: «Когда тебя хвалят, наносят вред твоей душе».

Я очень люблю начало Священного Писания, где сказано: «Создам человека по образу и подобию Моему». Кем бы человек ни был – патриархом, иеромонахом, дворником, – он должен оставаться человеком, а если он возвышается в должности и начинает презирать людей, это очень нехорошо.

В тяжелые годы атеизма, когда я становился священнослужителем, те немногие, кто ходил в храм и принимал участие в богослужениях, действительно искали Бога. Они рисковали, за свою веру они могли заплатить работой, но все равно рисковали, их вера была настолько глубокая, что они шли и не боялись. Что касается нынешних прихожан, то многие из них просто зрители. Сегодня все вдруг стали верующими. Я думаю, так не бывает. И порой мне кажется, если завтра, упаси Бог, объявят борьбу с Церковью, то больше половины перестанет ходить в храм, останутся единицы, преданные Христу.

Раньше церковные люди – от патриарха до свечницы – умели держать себя, понимали, что такое послушание, благодарность. А сейчас я спрашиваю нашу уборщицу: «Марфа, что ты делаешь?» Она сразу: «Простите, батюшка». И так весь день. В

Архимандрит Антоний с орденом святой равноапостольной Нины

конце концов я вспылил: «Надоело мне твое «простите»! Сколько можно «прощать»?!» Патриарх Ефрем любил повторять: «Не нужно мне твоего «прости»; ты лучше на деле покажи, что исправился». И я полностью с ним согласен.

Мои наставники всей своей жизнью являли образец смирения, знали и любили богослужение. Владыка Нестор сам читал Апостол, Патриарх Каллистрат выносил свечу перед Евангелием на малом входе, зная, что свеча символизирует Иоанна Крестителя. Вынос Евангелия изображает шествие Самого Спасителя, вынос чаши и диска – восхождение Христа на Голгофу. Что касается шестопсалмия, оно есть словесный прообраз изгнания Адама из рая, когда тот сел у райских врат и заплакал (и Псалмопевец Давид передает его сокрушенное состояние). Я всегда стараюсь читать шестопсалмие сам, обращаясь с искренней молитвой ко Господу. Когда ты осознаешь и переживаешь происходящее в храме, ты делаешься соучастником новой жизни.

Из книги «День священника» и другие грузинские рассказы». Издательство Сретенского монастыря, Москва, 2014

ДИВЕРТИСМЕНТ. ГРУЗИНЫ

■ Сергей ЮРСКИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ: Два года назад не стало Сергея Юрского. Великий актер любил Грузию. «Он очень был связан с Тбилиси. Я несколько раз организовывал его творческие концерты. Его повсюду узнавали и встречали как родного и близкого человека. Все – начиная от бизнесменов в ресторане и заканчивая сапожником. Юрский удивлялся такой славе. «Что же тут удивительного? Поистине – народный артист!», – вспоминает директор тбилисского Грибоедовского театра, президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий. В 1977 году, в рамках гастролей ленинградского БДТ в Тбилиси, состоялся творческий вечер Юрского, через двадцать лет он привез на Международный

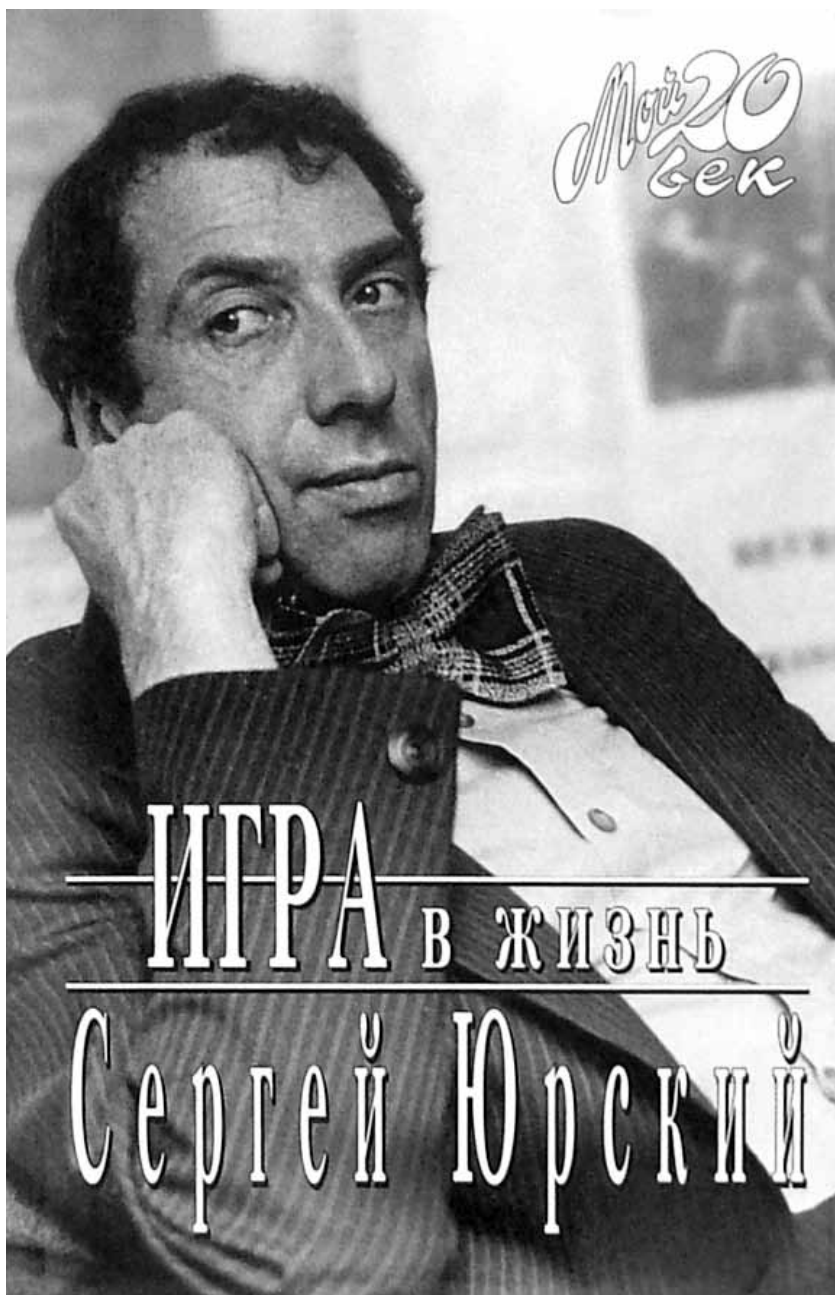
театральный фестиваль «Подарок» (Gift) спектакль «После репетиции» Бергмана. В 2006 году Юрский присоединился к обращению, осуждающему принудительную депортацию граждан Грузии из России, связанные с этим случаи этнической дискриминации и общее ухудшение отношений между странами. И Грузия отвечала Сергею Юрьевичу взаимной любовью.

Предлагаем читателям главу из трижды переиздавшейся книги Сергея Юрьевича «Игра в жизнь»:

«Вот как надо жить! Вот по каким улицам надо ходить! Вот как надо праздновать каждый день нашей мимолетной жизни! Вот как надо смотреть на женщин! Вот за какими столами надо сидеть! Вот сколько друзей надо иметь! Вот сколько надо иметь свободного времени! Вот город,

в котором солнце ближе к тебе, чем в других городах, и кажется, счастье твое совсем где-то рядом, – Тбилиси!

Еще в детстве испытал я это впервые. Отец привез нас с мамой в Грузию в писательский Дом творчества «Сагурамо». Но сперва был ГОРОД – Тбилиси. Был сорок шестой год. Победа. Но голодная победа. В Москве у нас жизнь была стесненная, во всех смыслах. А тут... Боже ты мой, как нас принимали! Какая была еда! Какие удобные машины нас возили! Какой просторный номер был в гостинице «Тбилиси» на несравненном проспекте Руставели. Правда, отец в то время был большим начальником всесоюзного масштаба. Но ведь он и в Москве был этим самым начальником. Почему же там ничего не было, а здесь было все? Э-э, слушай! Зачем голову вопросами забивать?! Гуляем! Целый день кутить будем! Ночь тоже!

с гостями годами живущих беженцев. Видел нищих стариков на все том же проспекте Руставели, чего раньше быть не могло. Видел глаза моих друзей, в которых пряталась небывалая раньше грусть. И многих уже не стало. Потому и хочется на короткое хоть время перенестись в прошлое, расслышать навсегда полюбившиеся звуки кавказского оркестра и грузинское многоголосье и под этот аккомпанемент увидеть вдруг тех, кого нету теперь, и вспомнить... смешное. Обязательно смешное хочется вспомнить.

Додо Алексидзе был и главным режиссером, и председателем Грузинского театрального общества, и профессором, и депутатом, и членом множества советов, комиссий и комитетов. Дмитрий Александрович источал доброту и дружелюбие. У него за спиной было достаточно успехов, побед и достижений. Теперь (так по крайней мере казалось) он блаженствовал в роли всеобщего благодетеля и руководителя. Он был зван всюду и был председателем и тамадой везде. Рядом с ним всегда находился его заместитель по Театральному обществу актер Бадри Кобахидзе – высокий, немолодой уже красавец. Эта пара – Алексидзе, похожий на пирующего князя с картины Пиросмани, и Кобахидзе, похожий на английского лорда, – пара эта была восхитительна. Непрерывные пиры и банкеты в честь неиссякающей вереницы гостей делали

А в 60-м году были первые гастроли Товстоноговского БДТ в Тбилиси. Целый месяц! И с громовым успехом. И мне было 25 лет! ...Ах!

Были и другие гастроли, приезды. И еще, и еще...

Гостем вообще хорошо быть. В России тоже принять умеют. Такие обеды, переходящие в ужины, умеют закатывать.

Но в Тбилиси-то начинается с завтрака! Прямо сразу, с утра – вот в чем разница-то!

Ладно, это я шутки шучу. И шутки эти с горечью пополам. Потому что в последние мои приезды в Грузию – уже в отдельную от нас страну – видел я в гостинице, где жил, вперемежку

Додо Алексидзе

БДТ — В ТБИЛИСИ

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ОБЛОМКОВ

Спектакль «Цена», поставленный ученицей Георгии Александровича Товстоногова Розой Сиротой, уже в течение ряда лет является «классикой» Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького. Недаром значительная часть его была показана ленинградцами на вечере, посвященном 60-летию Г. Товстоногова в Тбилиси. Сейчас нам увидели этот спектакль целиком, и он, столь несовершенный на «Короля Генриха IV» и «Историю лошади», вместе с ними демонстрирует широту диапазона художественных возможностей этого прославленного коллектива.

Драму Артура Миллера по принципу ее строения можно отнести к разряду «интенсивных». Вот как характеризует подобный тип литературовед Н. Чернов, введший в научный оборот этот термин: «Необычайно расширяется в драме ее выразительный план, преле же всего — разветвления героя». Действие развивается как бы впролом, оно происходит под знаком анализа прошлой жизни героя и ее переосмысления. Однако аналогия пьесы и спектакля с этой формулировкой, которой исследователь ха-

рактеризует драму Ибсена, неопасна. Герой Ибсена, как правило, становится на путь самоотрицания, герой Миллера в этой пьесе, переосмысливая свою жизнь, возвращается на исходную позицию — не в декларациях, а просто тем, что он остается самим собой, какой бы дорогой личной ему ни пришлось заплатить за это.

Прослушавший 28 лет в полдень и не подымавший выше чина сержанта, Виктор Франк является, по стандартам капиталистического общества, «неудачником», и он, покалуд, не стал бы спорить с такой характеристикой. Угловатый, но пластически выразительный, резкий и движливый, но внутренне мягокий, несоблаженный и в то же время какой-то игривый, пытающийся на любой срок стать деловым человеком, но абсолютно непристичный, Виктор Франк в исполнении Сергея Юренина, на первый взгляд, кажется неслаславатным, безвольным, сдвинутым. Постепенно (и несмотря на сопротивление героя) обнадеживается его внутренняя целостность. И если это качество обществу не нужно, то в этом уж вина общества... Виктору Франку по свойственной гордыне уве-

ренность в своей правоте другого «неудачника», другого чужой натуры, которая также выламывается из окружающего общества, — Сироту де Берверера, поэтому С. Юренин не «отстывает» позиции своего героя. Она раскрывается тонкими психологическими штрихами, через уточняющие нюансы поведения, разговорные интонации, выразительность жестов. Виктор Франк ведет бой за право быть самим собой, как будто постоянно упирается от боя. Он просто такой, какой он есть, и таким он и останется.

Именно поэтому спектакль «Цена» — не только о крушении пресловутой «американской мечты», а еще и о том, что человек может остаться человеком даже среди людей-обломков.

Нала позиция — постоянного самоуничижения, питае-

мого страхом, она является на бортом социального успеха, у его брата — Уолтера Франка (В. Медведев). Он активен настолько же, насколько пассивен его брат, — активен в самоанализе, в исполнении и облачении. Его попытка обложения с Виктором — это как бы стремление вновь обрести утраченную целостность. Хотя надо отметить, что образ, созданный В. Медведевым, весьма далек от эталонного твердолобого дельца: Уолтер достаточно сложен. И он остается самим собой, таин, инани он сам себя создал, но он от этой своей «самоности», возможно, и хотел бы уйти, да не может...

Так же богат психологической правдой образ Эстер, жены Виктора, созданный В. Ковалю. Она раздираема между стремлением и социальному «успеху», ассоци-

рующемся с Уолтером, и искренним, хотя и сирываемым, чувством к Виктору. Подталкивая мужа на путь преуспевания, она, пожалуй, в глубине души не верит в подобную возможность. Она страдает, но не за что не предает Виктора.

Яркий внешний и речевой подорит и внутреннюю глубину, юмор с подлинным драматизмом — сочетание В. Стрельникова и роли Соломона, одного из наиболее удачных образов постановки. В идейной системе спектакля он в значительной степени противопоставлен своим братьям.

Об одном аспекте постановки хочется сказать особо. Если в драме недействительный план преобладает над действительным, то зато линии физического действия персонажей выстроены безупречно, что полностью ликвидирует некоторую статичность пьесы. Г. Товстоногов ратует за упорческое развитие системы Станиславского, и одна из последних находок ее создателя — «действительный анализ» — думается, сыграла немаловажную роль в построении спектакля.

Все это предопределило естественность жизни актеров на сцене, позитивные — словами Г. Товстоногова — «не правдоподобие — правду образов».

И. ХИМШАВИЛИ.

Ни с ним же: сцены из спектакля «Цена».

Фото А. Вахтанг.

Додо, можем сказать, несколько рассеянным. Просто не хватало времени углубляться в какие бы то ни было проблемы. Некоторая поверхностность искупалась прирожденной интуицией и глобальным обаянием.

Алексидзе в речах горячо призвал молодежь брать пример с мастеров — больше читать, овладевать секретами профессии, целиком отдавать себя театру.

В 10 утра собрались на расширенный худсовет театра — обсуждать пьесу американского драматурга Гибсона «Сотворившая чудо». Собралась почти вся труппа — решали, принимать ли пьесу к постановке, кому ставить и кому играть. Додо Алексидзе взял слово, и все уважительно внимали ему.

Додо говорил, держа папку с пьесой в руках:

— Дорогие мои, когда я прочел эту пьесу, я с ума сошел — такой темперамент, такие характеры, такая сила в ней. И конечно, особенно потрясла главная героиня. Это чудо! Как правильно называется эта пьеса — «Сотворившая чудо»? Именно так. Это превра-

щение, оно должно восхищать нас.

— Дмитрий Александрович, вы говорите о самой девочке или об учительнице? — спросили с места.

— Э-э, какая учительница! Сама девочка! Конечно, девочка. Когда она говорит, ее слова должны обжигать! Все ее монологи, любая реплика — это блестящий выпад.

— Додо, она же немая, — шепнул Бадри, сидящий рядом за столом президиума.

— Да, она немая! — подхватил Додо, изумленно поглядев на Бадри. — Именно потому, что немая, так выразительна эта роль. Разве мы говорим только ртом? Глаза! Глаза могут сказать в сто раз больше! Она же все видит. Сказать не может, но она смотрит на этот мир и...

— Додо, она слепая, — проговорил Бадри.

Алексидзе втянул носом воздух, пожевал губами и продолжал на полтона выше:

— В этом все дело! Ползучий реализм надоел уже — болтают слова, а театр — это не слова, а страсть! Пусть она немая, сле-

пая, пусть! Так придумал американский драматург. Говорят другие, и пусть говорят... но она все слышит. И именно в этом...

— Додо, она глухая...

— Она глухая! — крикнул Алексидзе, посмотрел на папку в своей руке, а потом швырнул папку на стол. — Что за пьесу вы мне подсунули? Что такое — героиня слепая, глухая, немая. Как это может быть? С ума сошли?

Как хохотал весь худсовет! И громче всех хохотал Додо Алексидзе.

Напомню, что в драме «Сотворившая чудо» женщина-врач ищет пути к сознанию слепоглухонеморожденной девушки и в результате находит с ней контакт.

Тамада! Спикер застолья! В Грузии тамада — это очень серьезно. Вообще-то каждый грузин тамада. Но бывают признанные профессионалы. Об одном из таких этот рассказ.

Мой друг актер Гоги Харабидзе привел меня в компанию незнакомых людей, далеких от мира искусств. Но одна из особенностей Грузии в том, что ее житель, как бы далек ни был он

Гоги Харабадзе

от театра, литературы, живописи, громогласно и искренне уважает и то, и другое, и третье.

Стол был богат. За столом сидело человек двадцать пять. Тамада поднимал тост за каждого. Пили до дна. До этого места все понятно? Пойдем дальше. Речь тамады – большое искусство. Некоторые думают, что тамада поздравляет с чем-нибудь «то-стужемого» или просто льстит ему. Это не так! Это плохой тамада. Хороший тамада говорит правду о человеке, он всесторонне понимает его, но в данный момент предлагает всем присутствующим увидеть лучшее в нем. Это должно вдохновлять и того, о ком говорят, и всех, кто поднимает за него бокалы. Тамада не имеет права врать!

Конечно, все старинные искусства (а искусство тамады – старинное) в новое время немало упростились, истерлись, лишились строгости, но... все же! Гости очень внимательно выслушивали каждый тост и с гулом одобрения поднимали бокалы. Тот, за кого пили, стоя выслушивал обращенную к нему речь. Застолье шло по-грузински. Гоги переводил мне.

Дошло до меня. Тамада перешел на русский язык, извинился, что плохо его знает, и начал речь. Он сказал, что давно мечтал посидеть со мной за одним столом, что он, конечно, знает, какие замечательные роли сыграл я, что

ный Гоги сползает от хохота под стол.

А произошло вот что – тамада понятия не имел, кто я такой, но не хотел этого показать, потому что другие гости знали меня по кино. Он, нарушая закон, наплел формальных комплиментов, но не знал даже моего имени. «Как зовут гостя?» – спросил быстро по-грузински. Гоги не мог сказать «Сергей» – он выдал бы тамаду. Он нашелся: «Закариадзе», – сказал Гоги, имея в виду, что покойный великий артист звался Серго. Но наш тамада подумал о живом брате Серго, которого зовут Бухути. И он сказал мне, здравия тебе, наш любимый Бухути!

Эх! Ах! Тбилиси! С его теплом, вином, весельем, ляпами. Не забыть – было! Прямо из аэропорта

Бадри Кобахидзе

он никогда не сможет забыть того впечатления, которое оставило в его душе мое страстное, полное силы и юмора искусство. Он сказал, что для него большая честь провозгласить тост за меня и поэтому... Тут он быстро произнес несколько слов по-грузински, Гоги что-то ответил тоже по-грузински, и тамада, повысив голос, проговорил здравицу. Я слушал стоя и из-за сильного его акцента не разобрал слов. А вот гости грохнули смехом, и я увидел, как громад-

в турецкую баню. Теплый камень лежанок. Большая бочка с горячей водой. И мы набиваемся в эту бочку – шестеро – хозяйева и гости. Мы отмокаем. Мы уже начинаем говорить, и такое блаженство, что это будет длиться долго, что нам много дней будет интересно друг с другом, что мы нужны друг другу, что мы вместе!

Вечная память тем, кто ушел! Дай Бог, сохранить себя живущим друзьям из теплой страны Грузии!»

Дима АМБРОСОВ

родился в Тбилиси в 1989 году в актерской семье Михаила Амбросова и Светланы Конюшенко. После окончания школы поступил в Тбилисский университет на юридический факультет и Афинский на филологический факультет. Уехал учиться в Афины. Там же работал в грузинском посольстве помощником военного атташе Николоза Джанджгава. После окончания филологического факультета поступил на юридический, параллельно создавал персонажи для компьютерных игр, которые до сих пор «гуляют в интернете». В данный момент с семьей живет на Кипре, воспитывает сына.

Здравствуй, читатель. Как ты? Надеюсь, хорошо, раз ты нашел время на чтение. А если ты читаешь – значит, готов к внутреннему разговору со мной и с самим собой. Отлично! За мной, мой друг, я, как всегда, поведу тебя и покажу кое-что весьма и весьма интересное. Сегодня это не кое-что, а скорее даже кое-кто. Нет, мы не будем его тревожить и требовать знаком-

ОБ ИГРЕ СВЕТА

ства, этому созданию сейчас совершенно не до нас, он занят. Нет, это не совсем человек. Он был им когда-то, не одно десятилетие назад. Сейчас же в нем от человека осталось лишь самое главное – стремление жить. Я боюсь даже представить, в каком состоянии находится его тело, не подпитываемое абсолютно ничем, кроме его внутренней мощи, на протяжении десятилетий, если не сотен лет. Путь нам предстоит неблизкий, но книга тем и хороша, она в мгновение ока может погрузить тебя на дно океана и через минуту со скоростью нескольких строк вознести к звездному одеялу. Сегодня, конечно, мы не отправимся к небесным широтам. Мы опустимся на дно океана. Нет, конечно, я не шучу. Именно на дно океана. При помощи одной только книги. Чудеса, ничего не скажешь. Нет, акваланг ни мне, ни тебе не понадобится, прочие дыхательные приспособления тоже. Совсем здорово. Вперед, мой друг, точнее –

вниз! Вниз! К землям, живущим по своим законам, к холодным владениям, никогда не ощущавшим живительного тепла солнечного света!

Описывать окружающую обстановку нет абсолютно никакого смысла, мы находимся в кромешной темноте. Лишь чувствуем под ногами песок, спрессованный чудовищной силой толщи воды, да и ладно. Да еще эта чудовищная, гнетущая душу и тело тяжесть. И голова кружится. Источников света мы с собой тоже брать не будем, чтобы не тревожить понапрасну того, к кому собираемся навестись в гости, мы здесь не для этого. Тот, кто здесь обитает – слишком привык к немыслимому холоду, к отсутствию свежего воздуха, которым мы дышим и в то же время так глупо забываем, как же это великолепно – дышать. Мы слишком привыкли к свежим глоткам жизни, нам его не понять. А мы с тобой, читатель, – лишь наблюдаем, но ни в коем случае не вмеши-

ваемся в его жизнь, запомни... Гул в ушах? Еще бы, здесь, на такой глубине – дом океана. И он разговаривает со своими обитателями открыто, никого не таясь. Даже там, наверху, он зачастую показывает, кто в доме хозяин, круша и переворачивая утлые суденышки тех, кто называет себя хозяевами планеты. Но мы же не опустились сюда, чтобы разглагольствовать о силе и бессилии, не так ведь? Мы хотим лишь посмотреть... Да где же он?.. Вон, смотри, ты увидел, как вдалеке что-то блеснуло? Это его фонарь! Пойдем! Я понимаю, что эта задача не из самых легких, идти практически невозможно на такой глубине, но мы должны. Он ведь может, а на нас нет ни окованных свинцом ботинок, как у него, ни насквозь проржавевшего шара старинного акваланга, нет даже безвольно свисающего обрывка кислородной трубки. Но мы все же пойдем к этой мерцающей, далекой, но все же режущей глаза искре. Она то гаснет, то вновь вспыхивает таинственным огоньком. Ближе. Еще ближе. Обогнув мрачную базальтовую глыбу, испещренную морщинами, оставленными

острейшим резцом времени, давай укроемся в этой расселине, нас видно не будет, в то время как мы – увидим все-все! Видишь фонарь, стоящий прямо на песке, раскидывающий причудливые сполохи света вокруг? А за ним видишь абрис повернутого к нам спиной человека? Нет, я не имею никакого понятия, по какой причине его еще не размазало по дну титаническое давление воды. Не знаю. Подойдя, вернее сказать – переместившись еще чуть ближе и укрывшись для надежности за огромным валуном, мы увидим еще кое-что. Пристальнее. Еще. Даже не так. Шире. Смотри шире. Видишь неясный силуэт вдали чего-то поистине астрономических размеров? Да, именно это размытое темное пятно. Мы ознакомимся с ним поближе, лишь только наш новый знакомый отойдет подальше, как я уже говорил, понапрасну его тревожить не стоит. Он сейчас подойдет поближе к фонарю, и мы сможем без труда его разглядеть. Действительно, подходит. Посмотри на него. Настоящий морской титан. Именно таким должен быть морской титан – в глубоководном скафандре, с тяжеленными свинцовыми ботинками и круглым шлемом, покрытом космами водорослей, мерно колышущихся даже тут, под таким огромным слоем воды. Матово поблескивают иллюминаторы. Лица за ними не видно, но это не страшно. Не хотел бы я, знаешь ли, заглянуть в один из этих иллюминаторов. А вдруг за ними никого нет, кроме зияющей пустоты? Или жуткого оскала черепа? А может быть, шлем скрывает волевое лицо мужчины? Не знаю, и пусть это останется загадкой. Тайна должна оставаться тайной, в противном случае она уже называется совершенно по-другому. Мы совершенно по-человечески переключаемся на личность, а этого произойти не должно. Тот, кого мы сейчас видим, должен нам запомниться именно таким, морским титаном в глубоководном костюме, выдержавшем испытание временем, солью и жутким, пронизывающим холодом. Почему он не снимет этот костюм, раз в нем нет никакой

надобности? Не знаю. Может быть, по той же причине, что мы не заглядываем в его иллюминатор, может быть, по совершенно другой. А может быть, он теперь считает тяжелый, сковывающий движения костюм своим телом? Сколько лет прошло с последнего момента, как он не без посторонней помощи стаскивал с себя жуткую тяжесть металлического шлема и не откидывал рукой мокрую от пота прядь волос? Мой друг, я не знаю ответа на эти вопросы, такие крохотные, но такие важные... Что у него за спиной? Огромный якорь. Когда-то этот якорь врезался в плоть дна какого-нибудь моря и удерживал своей силой целый корабль. Он вправе собой гордиться, помотри, какой он внушительный, осознающий свою важность и цену инструмент. Теперь же у него другое предназначение. Он вновь служит инструментом, но теперь уже совершенно иным способом. Им раскалываются огромные куски базальта, рассекаются заросли кораллов, он – крюк-кошка, позволяющий своему хозяину карабкаться на отвесные скалы. Даже от акул и других морских обитателей поможет защититься при некоей сноровке. Сразу скажу, что использовать таким образом этот якорь Титану ни разу не пришлось. Океан признал его за своего, а значит – и все морские жители. Да и кислотный металлический вкус мало кому нравится, разве что маленьким детям, так и норовящим попробовать все подряд. Я помню, как, будучи совсем малышом, любил жевать бумагу... Видишь, какая ирония... Однако, я отвлекаюсь. Не для того мы опустились на самое дно океана, под такую толщу воды, чтобы вспоминать о своих детских привычках. Давай лучше понаблюдаем за ним, за Ним. Он двигается очень медленно, неторопливо. Может быть, скрывается чудовищный гнет воды, при обычных обстоятельствах расплющивший бы его в медную монетку, а может быть ему некуда торопиться. Вот он аккуратно, бережно кладет свой гигантский якорь на песок, взметнув целую пустынную бурю, а сам взваливает на плечо не-

весть откуда взявшуюся гигантских размеров... сумку? Короб? Резервуар? Нечто, скорее похожее на искусно разрисованный многочисленными заклепками и заплатками, весь покрытый конгломератом морских уточек мешок. Неторопливо поправляет лямки своего самодельного рюкзака. Затем так же медленно нагибается, так же бережно касается пальцами в огромных защитных перчатках своего бесшумного спутника-якоря, который знает великое множество всяческих подводных историй, без особого труда взваливает его на плечо и, наконец, вновь опускается, берет фонарь и так же медленно, неторопливо, начинает шагать. Пройдя пару шагов, он вдруг разворачивается. Рука с фонарем медленно-медленно поднимается. Матовый иллюминатор становится ярко-светящимся круглым куском золота, подобно старинной монете, на которой старый мастер дрожащими руками долотом набил надчеканы в виде черных полос решеток... Нет, не заметил. Фонарь вновь опускается, безропотно следующий его руке. Вновь Титан медленно разворачивается, перекидывает поудобнее свой якорь и... уходит, подмигивая нам кругом света, отбрасывающем

причудливые, ни на что не похожие тени. Смотри, как далеко он уже ушел, превратившись в крохотную, мерцающую точку! Погасла... Вновь появилась... И вновь погасла, оставив нас наедине с чернильной темнотой... У нас не так много времени на осмотр этого поистине удивительного места, пока его хозяин отсутствует! Он уже успел уйти далеко-далеко, и сейчас, наверное, уже идет по так знакомому ему коридору, некогда бывшему коралловой чашей, довольно близко познакомившейся с его якорем. Подойди поближе! Стой! Стой! Неужели твой живот не ждался от тревожного ощущения чего-то бездонного рядом? Дай мне минуту, я первый спущусь туда, в мрачное глубинное чрево. Где-то здесь должны быть ступени... Но я не хочу, чтобы ты опускался, по совершенно другой причине. Постой тут... И я бы посоветовал зажмуриться, шкипер.

Беззвучно скрипит прово- рачиваемый рычаг. И бездна, такая мрачная, такая страшная, таящая в себе нечто, наполняется светом. Столб света, вырвавшийся с ее дна, разорвал вовсе не чернильную, а тонкую, эфемерную темноту. Как пройдет резь в глазах, подойди к самому ее краю и загляни вниз.

Да. Десятки, сотни затонувших кораблей, покрытых ржавчиной, испещренных многочисленными пробоинами, сотни морских исполинов, выложенных в форме невообразимых размеров кольца. Даже сейчас, находясь в столь жалком состоянии, они, кажется, еще не потеряли надежд вновь почувствовать на себе тепло солнечного света и дуновение морских ветров. Посмотри, как стойко, гордо держатся накренившиеся вкривь и вкось мачты. Разбитые носы, так похожие на человеческие, кажется, шепчут: «Ничего, мы еще заживем»... А, может быть, не в этом заключается предмет их гордости? Совсем не в этом? Как думаешь, читатель? Посмотри, как много огней! Как много света! Ты представляешь себе, какие невообразимые, удивительные, головокружительные тени отбрасывают эти корабли по изрезанным тем же резцом времени стенам Бездны? Тысячи, тысячи тысяч светящихся разноцветных точек освещают этот мертвый круг. Зеленые и красные бортовые огни, медленно вращающиеся тревожные рубиновые огни, топовые, круговые, кормовые... Настоящий огненный рой! А представь, сколько сил и времени потратил тот, кто сейчас далеко-далеко неподвижно стоит и разглядывает одну из базальтовых скал, чтобы запустить генераторы, провести провода, чтобы починить, чтобы залатать, чтобы вдохнуть остатки жизни в эти суда? И ты даже не представляешь, что тебя ожидает впереди. Прыгай, просто прыгай сюда вниз, не разобьешься! Медленно опускайся и постарайся запечатлеть в своей памяти все, что увидишь, каждую сломанную мачту, каждый изорванный парус, каждую разбитую радарную сеть этого поистине удивительного обиталища, сложенного, подобно дому из кирпичей - из галер и авианосцев, подводных лодок и легких фрегатов, из некогда грозных кораблей корсаров и маленьких рыбацких суденышек. Какие мы все-таки мизерные, маленькие, и в то же время большие... Посмотри, во что превратили руки человека затонувшие, погибшие суда... Да не падай ты. Голова

кружится? Присядь, потому что сейчас мы войдем внутрь... Давай помогу встать. Ну что, войдем в эту морскую обитель и посмотрим, какие в ней хранятся сокровища, что же здесь собирает наш знакомец? Может быть, подобно капитану Немо, он собирает знания? Или золото и самоцветы, непосильными силами добытые из недр земли и подаренные океану людьми?..

Вновь беззвучно поворачивается рычаг. С глубинным скрежетом, более напоминающим рык какого-нибудь подводного монстра, раздвигаются широкие ржавые створки, очевидно, некогда представлявшие собой левый и правый борт какого-то суда. Представь, как много времени и поистине нечеловеческих сил нужно было, чтобы выстроить все это? Но что такое время, когда у тебя в запасе вечность, да? И что такое силы, когда ты живешь чем-то совершенно иным... Взгляни на этих осыпающихся колоссов... Высящиеся остовы нагроможденных друг на друга морских судов, кажется, смотрят на нас, таких маленьких, зияющими пробоинами и иллюминаторами... Они, конечно, знают нам цену.

Мы входим в эту подводную крепость, полностью сложенную из суден, перетянутых шкотами, безвольно повисшими и натянутыми до предела, из кусков мачт, из остатков рыболовецких сетей, из водорослей, радарных рубок, цепей, искореженных кусков металла, некогда бывших чем-то рукотворным, но вскоре подаренным человеком на перековку океану... Огромный, широчайший круг, вверенный истлевшей, но все еще грозной охране... Посреди круга, смахивающего на бойцовскую арену Колизея, стоит наполовину вкопанный в грунт потрепанный временем и людьми парусный бриг, к которому ведет узенькая, извилистая, выложенная из камней дорожка. По обе ее стороны из земли проступают какие-то странные темные наросты, при ближайшем рассмотрении подтверждающие, что являются кое-как ограниченными кусками базальта. На каждом камне стоит по какому-то маленькому то ли цилиндру, то ли

конусу... Это что... кладбище? Кто? Кто все эти люди?! И люди ли?! Свет, источаемый тысячами тысяч разноцветных ламп, поможет нам в нелегком деле – читать выцарапанные якорем строки на ограненных тем же якорем глыбах.

«Хосе Мария де Фернандес, «Калькутта», обрел покой 24 июля».

«Димитрий Алквадис, «Каламари» обрел покой 21 сентября».

«Ольга Третьякова и сын Николай, «Святой Георгий», обрели покой 17 мая».

Люди... Сотни имен. Сотни тех, кто ушел в море, но не вернулся на землю.

«Корсар, «Морской Черт», обрел покой 8 февраля».

Подле этой могилы неизвестного пирата лежит рваная-рваная косынка, на ней, как на бархатной подушке – украшенный царапинами кремневый пистоль. Рядом примостилось два брата – два свинцовых шарика.

«Джереми Фишер, «Калькутта», обрел покой 3 марта»

На надгробии лежит маленький, покрытый маленькими блестящими кристалликами соли медальон. Ну, конечно же внутри будет ее фотография, без сомнений.

«Янис Петрис, рыбацкое судно, обрел покой 3 ноября».

Выцветший поплавок и маленькая бутылочка со стертой этикеткой.

«Мальчик, берег Маркелы, обрел покой 8 апреля».

Рядом еще одна крохотная могилка и потрепанный собачий ошейник.

Понял, мой друг, что стало со всеми этими людьми? Океан приютил их, накрыл одеялом, а тот, кто уже возвращается (даже не спрашивай, что помогает ему ходить так быстро, будучи медленным и неповоротливым, я не знаю), то и дело поправляя заметно потяжелевший мешок, позаботился о том, чтобы ни один, ни один не остался без покоя. Никто не исчез, они все здесь, на этом кладбище кораблей и людей. Они вверены надежным рукам, которые могут якорем раскалывать огромные куски базальта, могут превратить тот же якорь в крюк-кошку, позволяя своему хозяину караб-

каться на отвесные скалы, могут рассекать заросли кораллов, тащить за собой по океанскому дну корабли и подводные лодки, некогда проглоченные морской пучиной... Пойдем по дороге, друг, пойдем заберемся на этот бриг, словно памятник стоящий в центре этой цитадели жизни и смерти. Взгляни-ка поближе на эти два куска базальта, уютно устроившиеся совсем рядом. Два камня, один побольше, другой поменьше. Не стоит читать, что там написано, не наклоняйся к ним, я очень тебя прошу. Ты ведь только тем фактом, что увидел их и все понял, отдал дань живой легенде. Я тоже, когда побывал здесь впервые, заметил, что на двух этих могилах нет никаких памятных предметов. Я думаю, я даже знаю, почему... Давай лучше, пошли, пошли вперед! Поднимайся по лестнице... Вот так... А теперь давай зайдем в капитанскую рубку. Вниз, в трюмы мы с тобой не спустимся, там лежат аккуратные ряды документов, засоленные океаном и перевязанные бечевками, лежат еще

кое-какие вещи, но нам туда не надо, мы сюда пришли не за этим. Входи сюда. И не ударь голову, здесь дверной косяк очень низкий. Здесь, с капитанской рубки, мы с тобой отлично все увидим, она, увитая водорослями, но все еще потрясающе сохранившаяся, сейчас даст тебе ответ, почему это место – цитадель не только смерти, но и жизни. Видишь эти три рычага? Для начала опусти вот этот, левый. Чем больше он опускается, тем темнее становится, медленно гаснет, словно остывая, хор мириадов огней. Давай, жми до упора. Уф, даже глаза болят от этих световых перепадов... Теперь, когда мы погрузились в кромешную темноту, нашарь второй рычаг как-нибудь, и начни поднимать его вверх. Ну как?..

Каждый цилиндр, установленный на каждой могиле и являющийся ничем иным, как корабельной лампой, начинает неясно светиться. Вновь мерцающий рой, но уже не хаотический, а ровными рядами тянущийся во все стороны, начинает ясно блестеть под чернильным

одеялом... Выйди на мостик. Посмотри на картину, открывшуюся тебе... Настоящее поле светлячков. В то время как живые ставят наверху свечи и просят свет о своих близких, то же самое происходит и здесь, внизу, в кромешной, но уже переставшей казаться враждебной, неясной тьме...

А теперь пора уходить. Выключаем свет полностью и пора собираться, пора возвращаться, мой друг, в мир суши и солнца. Что? Это же штурвал, как можно не знать, с его помощью управляют кораблем! А это рупор – отдавать приказы команде... Эти рычаги вмонтировал уже сам Титан, они включают свет на могилах, в самой цитадели, а этот, третий – на самом бриге... Наверное, когда-то, еще будучи человеком, Титан ходил под его парусами. Я не знаю, как он называется, я же все-таки не колдун – все-все знать... Позволь-ка... Ладно, ничего... Ну что ж, нам все-таки пора уходить, наше время истекает. Прощайся с этим местом и с его создателем, безымянном герое с огромным

якорем. Мы уходим, унося частичку этого чудесного, поистине чудесного места в себе, там, где сейчас у нас с тобой все сжимается, освобождая немного пространства для этой самой частички...

P.S.

Впервые за много-много лет Титан очень удивился, медленно, грузно опускаясь по ступеням в Бездну. Не часто он включал огни своего корабля, и уж точно никогда не забывал их погасить перед уходом. И еще дольше он задумчиво стоял, держа в широкой ладони защитной перчатки маленькую конфету в радужной обертке. Знаете, такие конфеты каким-то таинственным образом часто оказываются у нас, читателей, в карманах, чтобы быть безнаказанно съеденными чуть позже. Постоял, положил ее обратно туда, где нашел, и, бережно опустив свой заплечный мешок, раскрыл его.

Всем, не вернувшимся из моря, посвящается.

Арчил Гомиашвили

НЕПОВТОРИМЫЙ АРЧИЛ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Если задать вопрос обычно человеку среднего или старшего поколения, что для вас означает имя «Арчил Гомиашвили», ответ несомненно будет такой: «Остап Бендер». Хотя на счету этого талантливого актера около трех десятков киноролей. Готовя материал об Арчиле Гомиашвили, решила освежить в памяти какие-то его работы в кино. И начала с Ерошки из фильма «Кавказская повесть», снятого по повести Льва Толстого «Казачья» Георгием Калатошвили. И вновь покорила невероятная, почти животная органика

этого подвижного, смышленного, «природного» казака Ерошки. В нескольких картинах Гомиашвили сыграл Сталина. Как отмечают кинокритики, артист нашел свою интонацию в образе Сталина в конце 1980-х. В его трактовке вождя всех времен и народов в перестроечные времена зазвучали разоблачительные ноты. Гомиашвили создал наиболее реалистичного Сталина в эпопее «Сталинград» и в многосерийном фильме «Война на западном направлении» по роману Ивана Стаднюка. «Сталин в исполнении Гомиашвили

– сосредоточенный, волевой, нервный. Иногда переходит на крик и в такие моменты похож на разъяренного хищника. Но это не карикатура. Актер пытается оправдать каждое психологическое состояние героя», – пишет Арсений Замостьянов. А вот мнение рядового зрителя: «Помним... Для меня, кроме культового Остапа Бендера, Арчил Гомиашвили – лучший исполнитель роли Иосифа Виссарионовича Сталина! Именно таким я представляю себе генералиссимуса, очень органичен, мегаталант от Бога!»

А какой емкий образ бытового мерзавца создал актер в небольшой роли Нугзара Папишвили в знаменитой комедии «Мимино»!

«Я много интересного сделал на сцене и в кино. Были работы, которые мне дороже Остапа: Ерошка в «Казаках». Сталин в эпопее Стаднюка «Война» и в фильме «Сталинград». Но для людей уже почти тридцать лет я – Остап Бендер. Потому что зрители увидели такого Остапа, каким они себе его представляли», – вспоминал Гомиашвили в одном из интервью.

Так уж сложилось, что именно Остап Бендер принес Арчилу Гомиашвили огромнейшую славу. «Самый лучший Остап, самый настоящий! Он и в жизни был с духом авантюризма. Лично общалась, очень приятный собеседник – простой, добродушный, открытый. А какой красавец! Хорошая память, благодарная память», – это лишь один из многих и многих восторженных зрительских откликов.

Кино – искусство для масс. Так или иначе, но кинороли Гомиашвили может посмотреть сегодня любой зритель, в любое время – достаточно открыть Интернет. А вот его театральные создания навсегда ушли в прошлое. Более того, почти не осталось людей, которые видели его сценические образы и могут поделиться своим впечатлением. А театральный актер Арчил Гомиашвили был удивительный!

Народная артистка Грузии **Гуранда Габуня:**

«В связи с историей Грибоедовского театра мне вспоминается среди первых имя Арчила Гомиашвили. Я знала его еще

Сцена из спектакля «Третье слово»

по Сухуми – эдакий красавец среднего роста с хорошей фигурой и кудрявыми волосами. Там он был абсолютной звездой и буквально всех женщин сводил с ума. Он действительно нравился всем, но особенно – юным девушкам из грузинских школ. Наибольшим успехом Арчил пользовался в спектакле «Учитель танцев» Лопе де Вега: роль Альдемаро он играл и в Сухуми, и в Поти, и буквально летал по сцене! Мои родители дружили с Гомиашвили. В театре имени Грибоедова я запомнила Арчила в роли Тодороса в спектакле «Требуется лжец» Д. Псафаса. Когда его герой собирался вкусно соврать, то делал какие-то специфические движения шляпой, словно хотел поймать ею свои фантастические

идеи или стимулировать мыслительный процесс: «Ну, давай, давай, придумай что-нибудь!» Арчил Гомиашвили был профессионалом высочайшего класса, такие редко встречаются. Каким он был потрясающим в спектакле «Двое на качелях» У. Гибсона! А Цезарь – герой романтической комедии Шоу «Цезарь и Клеопатра»? До сих пор вижу Арчила, вальяжно развалившегося в бассейне или ведущего беседу с Клеопатрой – Ариадной Шенгелая. Арчил обладал особым актерским чутьем, знал секрет полного перевоплощения в своего персонажа – как стать ИМ. В Сухуми, Поти я любила тихо наблюдать за его репетициями. Он это делал замечательно, никогда не раздражался из-за того, что не

получается какая-то сцена. Потому что у него получалось все! По природе своей Арчил был очень необычным человеком, рожденным на радость людям. Когда наступало его время, он... уезжал, чтобы попробовать себя на новом месте».

Случались у Арчила Гомиашвили сложные периоды – подводило здоровье. В архиве театра сохранилось письмо, в котором актер рассказывает о своих проблемах директору театра **Поко Мургулия**:

«С ужасом думаю о том, что болезнь моя может затянуться. А лежать в постели для меня смерть. Если мне не будет лучше, то я сбегу отсюда и буду лежать дома – в Тбилиси. В общем, все это очень некстати. Вы, Поко Леванович, спрашиваете, смогу ли я поехать на гастроли?! Ну что я могу Вам ответить? Вы видите, как глупо все произошло! И как меня подвело здоровье. Я так жалею, что столько труда и времени потрачено на Цезаря, а сыграть мне пришлось только четыре раза. Поко Леванович, как известно, на гастроли вы берете пятнадцать названий, из коих я занят только в двух спектаклях. Сле-

«Требуется лжец»

довательно, если мне так не повезет, что мне все-таки придется остаться в Тбилиси, и вы без меня поедете на гастроли, мне кажется, катастрофы не будет. Тем более, что до отъезда на гастроли полтора месяца, и Вы можете сейчас, во время моей болезни, осуществить то, что хотели прежде сделать: ввести на роль Лжеца Казинца. Я считаю, что он вполне справится с этой ролью. Что касается роли Джерри, то мне помнится, что Мавр Пясецкий имел большое желание играть эту роль. И учитывая его идеальную память и другие качества, он быстро может создать интересный образ Джерри. Тем более, что в ремарке у Гибсона сказано: «У Джерри длинные ноги». Уважаемый Поко Леванович! Из всего вышеизложенного Вам не трудно будет понять, в каком я ужасающем положении. И морально, и финансово. Передайте привет товарищам и Александру Осиповичу (Гинзбургу. – И.Б.). Очень раз за вас и театр. Слышал, что «Дон-Кихот» – событие. Просто не верится! Слышал, что очень хорошо играют Ставицкий и Минеев. С уважением Арчил. 19. V. 1966».

Народный артист Грузии **Борис Казинец**:

«Об Арчиле Гомиашвили я могу вспоминать и говорить только в превосходной форме! Я был приглашен в Грибоедовский театр, когда стоял вопрос о том, что Арчилу надо серьезно лечить голосовые связки. Но он продолжал играть в спектаклях.

Первый спектакль, в котором я увидел Арчила, – «Во дворе злая сабака» К. Буачидзе, где он играл дворового склочника. Я был потрясен: количество хохм и трюков, проделываемых Арчилом, хватило бы на десять ролей. Один из них я запомнил надолго. По сюжету пьесы для разборки очередной склоки приходит кто-то из важных представителей городской власти. Действие идет во дворе, где стоит длинная скамейка. Сидение скамейки покрыто лаком – и вот герой Арчила приглашает депутата присесть на скамейку, а когда тот делает движение, чтобы присесть, Гомиашвили моментально подскакивает и

проскальзывает по всей скамейке в подхалимском экстазе, как бы вытирая пыль задом. Это было выполнено с таким блеском, что вызывало аплодисменты зрителей и мой восторг. Был еще один спектакль, который стал для меня знаковым, ибо после него я как бы прошел экзамен в театре. Именно Арчил посоветовал руководству ввести меня на роль Лжеца, которую он играл с блеском в спектакле «Требуется лжец» Д. Псафаса. Этот ввод был для меня школой актерского мастерства – репетиции вели Мавр Пясецкий, Даня Славин и Арчил. Это был фейерверк остроумия и уроки пластики. Конечно, я должен был играть эту роль по-своему, но были ключевые трюки, которые хотелось сохранить

в спектакле. На сцене большая полукруглая лестница, ведущая в кабинет депутата. Эпизод, в котором за Лжецом, обманувшим в очередной раз посетителя, бежит разъяренный мясник с топором. Лжец, убегая и понимая, что деться некуда, бросается к перилам и делает стойку ногами вверх... Лестница украшена скульптурами, и между ними мясник пробегает мимо Лжеца. Вот такой трюк я обязан был повторить – и когда мою работу увидел Арчил, то сказал, что может спокойно ехать на съемки «Двенадцати стульев», в котором он сыграл Бендера так же блистательно, как и все, что делал в жизни. А какой он был рассказчик! Его байка о поездке со спектаклем пантомимы в Норильск, где зэки в

«Варшавская мелодия»

Арчил Гомиашвили

колонии приняли его за глухонемого и чуть ли не подняли бунт, была просто концертным номером! А когда администратор Абрам Исаакович слезно уговорил его прочесть хоть какую-нибудь басню и Арчил прочел, был эффект на уровне чуда: «немой» заговорил! Этот Абрам Исаакович тоже творил чудеса. Арчил в самом начале гастролей сказал ему, что должен уехать из Норильска на «Волге». Когда на следующий день Абрам Исаакович разбудил Арчила рано утром и сказал, что сегодня будет девять спектаклей, Арчил возмутился: «Как это вообще возможно физически?». «Мы работаем сегодня в психушке, а там девять палат, – объяснил администратор. – Психов нельзя собирать всех вместе! В каждой палате вы сделаете пару пантомим, и директор перечислит гонорар за девять концертов». «Волга» – таки состоялась!

В последний раз мы встретились в Москве на съезде ВТО: он уже известный, всеми узнаваемый, и я: два народных артиста Грузии. За что мы и выпили коньячку в театральном буфете!»

Любовь к бесконечной импровизации, трюкам однажды сыграла с Арчилом Гомиашвили злую шутку. В финале спектакля «Требуется лжец» техни-

ческий помощник режиссера, не дождавшись конца сцены, дал сигнал на поворот сценического круга. Хотя актеры еще не договорили свой текст – Арчил как всегда демонстрировал чудеса импровиза, что проигнорировал помреж. В итоге финал спектакля был сорван, зрители остались в недоумении, а за кулисами разгорелся конфликт. Эмоциональная переписка с взаимными обвинениями артиста и помрежа сохранилась в архиве театра. Многие вызывает сегодня смех, хотя актерам, занятым в той сцене, думается, было тогда не до смеха...

Народная артистка Грузии **Нелли Килосанидзе**:

«Моим замечательным партнером в спектакле «Варшавская мелодия» был Арчил Гомиашвили. Потом он уехал в Москву, причем звал с собой и меня. Он хотел в столице создать передвижной театр на двоих. У нас уже набрались пьесы, которые мы могли играть вдвоем. Но в это время Арчила пригласили сниматься в картину Леонида Гайдая «Двенадцать стульев», поэтому наш дуэт распался. Жаль, у нас были творчески очень хорошие отношения. Правда, пока шли репетиции, мы слегка конфликтовали. Но это было несерьезно. Просто в то время я была еще совсем юной. Тогда, в 1965 году, как раз разрушилось наше старое театральное здание, и мы работали в разных помещениях. Так, просмотр спектакля «Варшавская мелодия» состоялся на сцене театра музкомедии, куда пришел третий секретарь ЦК, интересный человек, и говорил о моей работе очень хорошие, лестные слова. А Арчил, конечно, злился. Но это пьеса так написана – на героиню, Гелену. Кто бы ни играл Виктора, роль Гелены доминировала. Так что комплименты в свой адрес я не воспринимаю. Почти все актрисы хорошо играли эту роль – чуть лучше, чуть хуже».

Народная артистка СССР **Наталья Бурмистрова**:

«Требуется лжец». В нем был занят целый ряд ведущих актеров, но, по-моему, мы были просто обрамлением этого великолепного артиста. Гомиашвили буквально порхал по

сцене. Легкий, красивый, обворожительный. Его герой постоянно лгал, но не вызывал отрицательных чувств, потому что был чертовски обаятельным и смешным. Но это было не все. Осуществили постановку спектакля «Во дворе злая собака» Буачидзе, который стал событием театральной жизни Тбилиси. Арчил играл анонимщика, кляузника, подлеца... Но недаром говорят, что смех убивает наповал, Гомиашвили «убивал» этот персонаж своим неповторимым чувством юмора. Успех был оглушительный! Об этом нельзя рассказать. Это надо было видеть. На постановку ходили по несколько раз. Будучи свободными от спектакля, мы, актеры, нередко приходили посмотреть на него. Гомиашвили стал суперартистом Тбилиси. А потом в театр пришел Арчил Чхартишвили с пьесой «Двое на качелях». В этом спектакле Гомиашвили был моим партнером. Я играла Гиттель, он – Джерри. Герой Арчила был отнюдь не комедийным персонажем. Джерри был утонченным, необыкновенно серьезным и глубоким человеком. Он потерпел любовную катастрофу и трагически это переживал. На первых репетициях возникали ссоры между Гомиашвили и режиссером, со мной. Арчила тянуло на привычную смешинку, а это было противопоказано. Чхартишвили категорически пресекал любые его попытки комикования. Но потом, шаг за шагом, под руководством этого прекрасного режиссера и неожиданно для себя самого Гомиашвили великолепно сыграл Джерри Райана».

Завершим материал мнением зрителя: «Как же не хватает сейчас в российском кино такого актера как Арчил Гомиашвили! Он был не только талантливым актером, для которого в кино и на сцене не существовало невозможного, он был просто талантливым человеком, обаятельнейшим, фантастически красивым мужчиной. Он буквально излучал позитивную энергию, которая заряжает и будет заряжать нас, зрителей, наполнять нас положительными эмоциями. Такие актеры бесценны! Светлая ему память!»

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ვ ი ლ ი

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

«ГОРЫ КАВКАЗСКИЕ
ДЛЯ МЕНЯ СВЯЩЕННЫ»

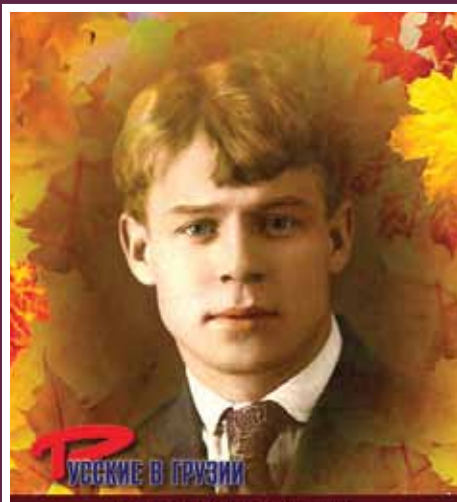
МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ИРИНА МОДЕБАДЗЕ

«РОДНАЯ ГРУЗИЯ БЫЛА
ДЛЯ НАС СВЯТА...»

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

СЕВЕРНЫЙ ДРУГ И БРАТ

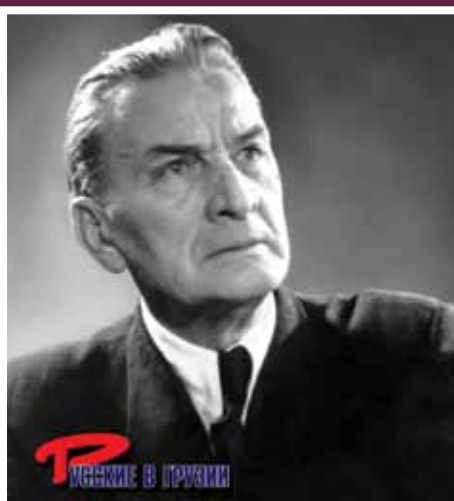
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

А ВЫ ТРОЙНЫМ ЛЕТАТЬ МОГЛИ БЫ?

ВИКТОР САНЕЕВ

ЕЛЕНА ПИРУМОВА-СМИРАНИНА
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ

БЛАГОРОДНЫЙ РОМАНТИК

АНАТОЛИЙ СМИРАНИН

КЕТЕВАН ЦИТАИШВИЛИ

ДАРЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

ВАЛЕНТИНА ВОИНОВА

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЧУДО САМООБЛАДАНИЯ

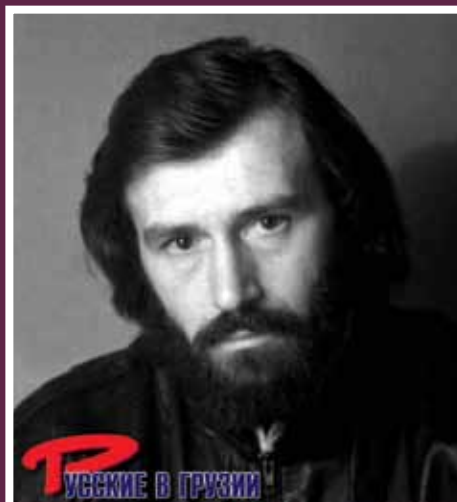
НЕЛЛИ КИЛОСАНИДЗЕ
(САГИНАШВИЛИ-ПОДГОРЕЦКАЯ)

МАРИНА МАМАЧАШВИЛИ

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА - САМООТДАЧА

ЛЮДМИЛА АРТЕМОВА-
МГЕБРИШВИЛИ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

КОВЧЕГ ДЛЯ ВСЕХ

ВАЛЕРИЙ ХАРИУТЧЕНКО